КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

1925 г. ИЮНЬ № 6

ЛЕНИНГРАД

РАБОЧЕЕ ИЗДАТ-ВО «ПРИБОЙ»

Рабочее Издательство «ПРИБОЙ»

Ленинград, проспект 25 Октября, д. № 1.

1925 ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГОД

КРАСНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

4-ый год издания

12 №№ ЖУРНАЛА

В журнале принимают участие виднейшие политические и общественные работники, лучшие научные, литературные и художеств. силы Ленинграда, Москвы и других городов СССР.

1-ая серия

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Н. ЛЕНИНА

12 — 24

КНИГ ПРИЛОЖЕНИЙ

2-ая серия

избранные сочинения русских классиков: Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Гоголь, Лев Толстой и друг.

в год 2 рубля

ПОДПИСКА

	БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ:	С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: с одной серией	С ПРИЛОЖЕНИЯМИ: с двумя сериями
на 1 год	2 р. — к.	4 р. — к.	6 р. — к.
на 1/2 года	1 » 20 »	2 » 20 »	3 » 30 »

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ:

в Ленинграде — пр. 25 Октября, № 1, **„СЕВПЕЧАТЬ“**, Пр. 25 Октября, № 52, Торг. Сектор Изд-ства **«ПРИБОЙ»**,

в Москве — Лубянский пассаж, № 47, 48, 49, Московское Отделение Рабочего Издательства **«ПРИБОЙ»**.

Всюду—почтовые отделения

Контора „Красного журнала для всех“ просит т. т. подписчиков, во избежание перерыва в высылке им журнала, озаботиться своевременным переводом подписной платы на второе полугодие.

КРАСНЫЙ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ

№ 6 четвертый год издания 1925

ИВАН ВАСИЛЬЕВ

ПРОЛОГ

(из поэмы Любовь)

Так просит сердце нежной песни,
Что не унять шальное мне, —
Когда густая жизнь воскреснет,
Как в напряженном полусне.
В крутых строках всплывают лица,
Отчетливо стучат шаги,
Проходят пестрой вереницей
Друзья и черствые враги,
Чтоб через час в смертельной схватке
Вонзить друг в друга сталь зубов.
И только мещанин украдкой
Слюняво шепчет про любовь.
Любовь, горючая, как порох,
И вечно нежная, как мать.
О, для тебя ль подушек ворох,
Тебе ль двухспальная кровать?!
Там, словно ветерок в болоте,
Заглохнешь сразу, как войдешь...
Нет, сердце попусту колотит:
— Даешь любовь, любовь даешь.
Когда вся жизнь военный лагерь, —
Отыщешь ли в походе ту,
В тоске по ком, как в пенной браге,
Растил, вынашивал мечту.
Но знаю твердо, крепко знаю,
Как о своих лихих летах,
Что та далекая, родная
Стоит с винтовкой на часах.
И оттого-то на стоянке,
Когда кругом костры горят,
Неловко вскочишь спозаранку
Соседний обходить отряд.
Так из отряда до отряда —
Увидеть, встретиться, узнать...
— Ах, сердце, брось, — грустить не надо,
Не надо на смех бить в набат.

ЕВГ. ПАНФИЛОВ

ФРЕЗЕРА

Мальчишеский задор —
Осколок ребяческой дури.
Это он кричит:
Лети во весь опор,
Ливень грохочущей бури!
Но жизнь не скачки, жизнь не бега,
Да и бег не только в буффонаде:
Посмотри, как походка легка
У моей фрезировщицы Нади.

Каждый день до вечера с утра
Нарезает она
Фрезера.

А когда сухими ртами труб
Заговорят гудки упруго,
Деловито торопится в клуб
С легкомысленною подругой.
Разве биться, как матери, ей
У иконы под праздничный вечер,
Если в клубе куда веселей
Молодые, упрямые речи?

— Мама, мама, иные теперь
Фрезера,
И другие совсем вечера!

Нынче жилка поет на виске,
На руках, словно яблоко, мускул;
Даже сердце уже не в тоске
Под горячей размашистой блузкой.
Если мысли — как май голубой,
Если сердце — потока шумливей,
Значит, жизнь — сумасшедший прибой,
Значит, в жизни — весенний ливень.

И не даром, не даром девченки
с утра
Нарезают теперь
Фрезера.

Черная пыль

Рассказ

НИКОЛАЯ КАТКОВА

Рисунки худ. П. Жилина

1

Ждали — и к этому все были готовы и на этом строился план обороны — генерал Огарев поведет наступление со стороны Тарас.

По крайней мере так уверял начштаба Сырков, прапорщик военного времени. Других спецов ни в штабе, ни в ревкоме не было.

На границе между Мочульском и Тарасами решили дать последний отпор врагу.

Но — как часто бывает—ожидание не оправдалось. Эсаул Семенков оказался хвостом, которым хитрая лисица Огарев умело замел свой след.

После занятия Тарас эсаул бросил свои отряды на рудники, а Огарев повел наступление с севера.

Путь к рудникам был отрезан.

В первую минуту Аким готов был разорвать Сыркова на части.

— Эк ведь, чортова перечница,—кричал он на заседании ревкома:—говорил, нельзя доверяться. К стенке ихнего брата, а не оборону поручать.

Товарищи смотрели на положение более хладнокровно.

— Акимыч, не бузи,—успокаивали они разгорячившегося шахтера:—Сырков тоже не в академии обучался, а парень он верный и нужный.

В тот же день назначили Акима комиссаром охраны порядка в городе.

Это окончательно разбивало его планы.

Он шагал в развалку по комнате, неуклюже размахивая длинными цепкими руками и задыхался.

— Да что вы в самом деле, смеетесь что ли?.. Мне на рудники нужно, а вы меня к месту приклепляете, будто гайку.

Останавливался, хватался за всклоченную голову и хмуро смотрел исподлобья на качающиеся в табачном дыму усталые лица товарищей.

— Рудники от тебя не уйдут, — спокойно проговорил кто-то за спиной:— Придется отступить — останешься для связи здесь и проберешься к своим.

Подошел к Акиму и дружески похлопал его по плечу.

— А что про гайку—это ты правильно, тем, брат, и сильны.

Аким морщился, но молчал.

В самом деле, как тут докажешь, где он сейчас нужнее? Может и здесь, в Мочульске? Момент слишком ответственный.

По-немногу остыл, примирился и даже испытывал перед товарищами некоторую неловкость.

— И что это я, право, — рассуждал он вслух: — и ребят смущаю и будто палки в колеса... Не хорошо.

И застенчиво улыбался в топорщившийся рыжий ворс усов.

2

Ночь.

Тревога.

И среди ночи, в тревоге, подняли человека с постели и мечется он в потемках из угла в угол — растерянный, злой, не в меру ворчливый. Кажется, все на месте было, а ничего найти не может: и мебель передвинута, и двери куда-то исчезли, и вместо пальто кутается человек в одеяло, и вместо двери бросается к окну, разбивает стекла и кричит, и голос его, как голос ночной птицы, зловещий и полон отчаяния.

И вот также — тревожно, взбудораженно—жил город.

Метался, кричал,—день и ночь.

День и ночь с тяжелым стоном вздыхали за городом пушки, с каждым часом все ближе и ближе.

По переулкам и улочкам, у ворот и калиток, как крысы у нор, собирались переполошившиеся люди и вполголоса, с оглядкой по сторонам, сообщали друг другу последние новости.

Прислушивались.

Вытягивали изнуренные от бессонных ночей физиономии и пальцем:—тссс!..— Ишь, как садят... Будто светопреставление... Хошь бы покой скорее дали...

Крестились. Вздыхали. Недружелюбно — пытливым взглядом мерили четкий след красногвардейцев и грозили в перекрещенную винтовкой спину:

— Обожди, ужот-ка!.. Пропишут вашему брату...

Вторые сутки не вылезал Аким из седла.

Каждую минуту появлялся то на окраинах, то в центре, — и там и тут привыкли уже к заморенной рыжей кавалерийской лошади и к неуклюже сгорбившемуся на ней широкоскулому с квадратным туловищем человеку.

— Что, брат, неудобно?.. трет?..— подшучивали над ним приятели — рабочие. — Это тебе не уголь кайлой долбить.

Аким вытирал сбегавший по смоляным скулам горячий пот и прятал, под волосатой грубой ладонью улыбку.

— Трет?.. Натрешь небось, этакого горбыля дали. Седло едва держится.

Фронт слабел.

Ночь и утро в ревкоме шли беспрерывно совещания. И когда стало ясно, что удержать натиск не удастся —ревком решил перебраться на вокзал.

Для связи и последних распоряжений в городе оставался Аким.

Уезжавшие товарищи наскоро пожимали широкую волосатую ладонь.

— До свидания, Акимыч. Скоро встретимся.

— Скоро, скоро...

И кто-то пошутил:

— Ну, брат, и ладонь же у тебя... В этакую ладонь да зажать бы Огарева, а?..

Аким усмехнулся:

— Зажме-ем... Отчего-ж не зажать?..

Острые колкие глаза его горели синеватым блеском и пытливо смотрели вдаль.

3

Ревком опустел.

Аким сидел в дежурной и тупо смотрел на лежавший перед ним залитый чернилами старый газетный лист.

Назойливо ползли перед глазами обрывки ненужных фраз и слов, как пчелы, впивались в голову—отмахивался, закрывал глаза, стараясь ни о чем не думать,—прислушивался.

Тишина начинала раздражать его.

Встал и прошел в коридор. Заглянул в одну комнату, в другую — никого. Остановился. Слишком отчетливо прозвенела в ушах рассыпавшаяся дробь Ремингтона. Толкнул дверь плечом — за дверью разинутые рыжие пасти столов да вз'ерошенные вороха старых газет на полу.

— Тьфу, чорт!..

С силой захлопнул дверь и, отшвырнув попавшуюся под ноги пустую консервную банку, выбежал во двор и вскочил на лошадь.

— Я сейчас, я в город, — крикнул стоявшему у дверей часовому.

Лошадь осела под тяжестью на задние ноги, потом вытянулась, рванула и галопом вынесла на улицу.

Город притих, но притих как-то странно, тревожно, словно надели на него стеклянный колпак и выкачали весь воз-

дух. Акиму даже показалось, что он задыхается от отсутствия воздуха.

Остановился и глубоко вздохнул. Прощупал сердце и сказал вслух:

— Эге, брат...

И покачал головой.

— Не хорошо...

И вдруг, черный клубок вырвался из-под ног лошади и прокатился через улицу.

— Эй, черная пыль, за гриву держись, за гриву!..

Аким вздрогнул и поднял голову — в переулок шмыгнул мальчишка и из-за угла, как заяц—одним глазом.

Аким погрозил ему плетью:

— Я тебе задам... Я тебе...

Стеганул лошадь и свернул налево к Большой Дворянской.

В этот час Большая Дворянская походила на излюбленный для прогулок бульвар европейского города. Все, что в свое время бежало от большевиков из Москвы и Петербурга, в этот час было здесь.

Аким остановился посреди улицы, левой рукой облокотился на седло и любопытно-насмешливым взглядом следил за толпой.

Мимо медленно двигалась исшарканная до ослепительного блеска панель. Котелки, шляпы, шляпки. Кое-у кого белели в петлицах астры. Кое-где в просветах вспыхивал алый дворянский околыш.

Дворянский околыш—это было слишком.

Толпа подымалась на носки, искала и, найдя, дружно аплодировала смельчаку.

Пусть слышит, пусть надолго запомнит вон тот, с смоляными скулами, на рыжей с выпирающими ребрами кавалерийской лошади.

— Эй, комиссар, подтяни подпругу, лошадь лопнет!.

Аким щурит глаза и ловит нырнувший в под'езд золотой погон.

— Ишь, сволочь...

Тронул лошадь и на панель — панель узлом.

Визг, брань, давка.

Лошадь тычится слюнявой мордой в спины, в плечи.

Аким подтянул поводья.

Потные скулы лоснятся в улыбке.

Под рыжим ворсом сверкнули холодной белизной зубы:

— Обрадовались, обрадовались... Как воронье...

Смотрит на толпу,—смущенный шопот и сдержанный хохоток.

— Кровью запахло.. Учуяли...

Глаза упали вниз на склонившуюся к стремени отлакированную плешь в серебряной оправе. И только сейчас заметил Аким валявшийся под ногами у лошади котелок.

Скулы широко расползлись в стороны:

— Скорее бери, ваше благородие, скорее, не то сейчас своему коняге на башку надену.

— Господин комиссар, ради бога...

Голос пискливый, ребячий, — еще минута и перейдет в рев.

Аким хлопает лошадь по ноге.

— Господин комиссар...

Плешь побагровела и плюхнулась лошади под брюхо.

— Эй, ты забылся!—кричат из толпы.

Лошадь подняла ногу и с хрустом в суставах поставила ее в котелок.

— Забылся, хам!..

Аким схватился за кобуру.

— Кто сказал?

Густые брови врезались в переносье, глубокая морщина рассекла черный, пропитанный угольной пылью, лоб.

— Ну как`вас не давить?.. Мало давили...

Сказал сквозь зубы, брезгливо искривив рот. И в ответ стальной плетью стегануло вдоль спины:

— А теперь вас подавят!

От боли перекосилось лицо и, круто свернув назад налившуюся кровью шею—простонал:

— А-а...

И в клубок, в расплескавшиеся по воздуху руки — один за другим — с глухим треском ударили выстрелы.

Потный, красный, встал на стремена, расправил плечи, — квадратным туловищем налег на лошадиную шею—лошадь вздернула морду и сквозь толпу грудью направо в улицу.

И долго еще хлестал уши дикий вой и до боли жгли спину проклятия и крики.

— Ну, как вас не давить?... Мало давили...

Стоявший впереди белокурый бородач выплюнул изо рта цыгарку и лениво поскреб за ухом.

—Куда ехать-то? — хмуро пробасил он:—Прозевали...

И, отвернувшись, еще раз сплюнул в сторону.

— Как прозевали?

— Так и прозевали, — сердито буркнул сидевший на телеге курносый парень в кожаной замасленной фуражке:—Ихние раз'езды на улицах...

Аким выругался и наморщил лоб.

— Руганью делу не поможешь,—забурчал парень, спрыгивая с телеги и снимая с головы фуражку: — Решать надо, а не рассуждать.. Давайте затворы портить...

Рабочие молчали, молчал и Аким. Потому ли, что плохо расслышал, или потому, что слишком трудно было согласиться с этим предложением, только еще глубже врезались в переносье густые брови и еще острее выдались в стороны смоляные скулы.

— Все одно... Не нам, не им... Бес с ними,—говорил парень.

— Зачем?.. Долго... — вступился белокурый: — Керосинцем облить — разом покончим.

Какая-то сила сковала Акима и он не мог произнести ни слова.

— Так что ли, товарищ комиссар?.. Подпалим?..

Аким поднял лицо и молча махнул рукой, и также молча подошел к лошадям и начал выпрягать.

4

В глубине двора, у кладовых, небольшая кучка рабочих грузила на подводы винтовки.

Аким соскочил с лошади и, передавая ее часовому, заметил на ходу:

— Жалко не знал раньше, а парочку—другую надо бы...

И договорил уже в коридоре:

— ... к стенке.

В дежурной подошел к телефону:

— Телефонная станция?.. Командир отряда?.. Немедленно покиньте станцию и отправьтесь на вокзал в распоряжение ревкома. Белые вступают в город.

Резко оборвал шнур, бросил в угол трубку и выбежал во двор.

Подводы были нагружены и стоявшие возле них рабочие о чем-то перешептывались. Прозрачной синеватой паутинкой вился над их головами дымок махорки.

— Зачем же дело, товарищи?.. Езжайте скорее.

Усталые, голодные, лошади лениво отошли в сторону и недоуменно, понуро смотрели на суетившихся возле телег людей.

— Поджигай, — скомандовал парень.

И в ту же минуту черные косы дыма, переплетенные алыми лентами огня, словно в бесшабашной пляске взметнулись вверх.

— Теперь айда, товарищи!

И вслед за парнем все бросились к забору.

5

Рабочие были с обозных мастерских. Путь к ним короткий и безопасный. Когда по крыше конюшен Аким и его товарищи спустились во двор, навстречу им поднялся от ворот старик-сторож.

— А где-ж подводы-те?—спросил он, вытирая рукавом заросший седым мехом рот.

— Обожди, дед, никуда не денутся,— успокоил его парень: — Скажи лучше, как через площадь-то, можно?.. Товарищу вот в больницу надо.

Старик прищурил слезившиеся глаза и потрепал Акима по плечу.

— Знаю... На рыжке-те ездил.. Видал, чай...

— А ты, дед, дело говори, — торопил парень: — Можно через площадь?

Старик насупил брови и уставился в землю.

— Не советую — мотнул он косматой шапкой, — главного-те генерала ожидают. Народу, народу—мать честная!.. Обожди с часок, тут-те в безопасности положения, а я за ворота-те выйду, чуть что— знать-те дам...

И тяжелой, медвежьей походкой пошел к воротам, что-то бормоча себе под нос и покачивая головой.

Белокурый сказал с досадой:

— Влипли по первое число. Не выбраться.

— Не каркай,—буркнул на него исподлобья курносый: — По жене что ли истосковался?.. Чай не больно давно вместях-то спали.

— Дело не в жене, а за зря погибать тоже никому не охота.

Аким достал кисет и присел на бревно. Руки его дрожали и ноги ныли от боли. Сидел, прислушиваясь к уличному гаму и топоту,—сторожко, чутко,—вот так же, как в шахте, ловил ухом каждый шорох, каждый звук.

Думал о семье,—как-то она?

... ведь если Семенюв занял рудники... и не докончив, гнал эту мысль и думал о больнице, о докторе.

... приду и скажу, выручай Иван Андреич...

Доктор в молодости работал на рудниках, занимался с шахтерами в нелегальных кружках и хорошо знал Акима, тогда еще подростка, пытливого, легко воспламенявшегося.

Говорил бывало:

— Не человек ты, Аким, а порох... Жалко, ежели погибнешь в шахтах,— так за зря...

И давал Акиму книги.

Аким читал — жадно, запоем. Ночами просиживал у Ивана Андреича в жарких спорах, готовый весь мир взорвать и пустить по ветру.

Вошел в партию, побывал в ссылке— не погиб в шахтах, а Иван Андреич перебрался в город, к покою, к уюту, облысел, отпустил брюшко и говорил с грустью:

— Что-ж поделаешь, дорогой мой, законы жизни жестокая вещь. Мы, по существу, лишние люди. Будущее принадлежит вам. Вы сильны, вы—здоровый организм, а нас с'ела моль...

Аким вздрогнул.

Каменным грохотом дрожал воздух от крика и топота.

— Урра-а!.. Урр-а!..

Аким бросился к калитке и приник глазами к квадратному вырезу в ней.

Недалеко от панели медленно двигался автомобиль Огарева.

На подножках и кругом генерала— веером—офицеры. Лица восторженно— веселые, довольные.

— Да здравствует наш защитник Огарев!..

— Урра-а!..

В воздух летят котелки, шляпы. Ветер играет кисейными платочками. В автомобиль сыплятся букеты живых цветов.

Стоявшая в стороне от калитки рыжебородая чуйка вытирала красным платком безбровые глаза и причитала:

— Слава те, господи!.. Дождались христова дня...

— Правильно, братец, правильно, — кивнул ей прошагавший мимо господин и бросился к автомобилю.

— Да здравствует воскрешенная Россия!

Толпа подхватила:

— Да здравствует воскрешенная Россия!

Автомобиль остановился.

Над пестрой рябью голов блеснул выбритый до синя череп Огарева.

Резкий командный голос, как цокот копыт, ударил по площади.

— Граждане, сейчас вы кричали о воскрешенной России. И мое сердце невольно наполнилось радостью, как в светлый христов день... И этот крик, и этот энтузиазм ваш дают мне повод сказать открыто всем,— нет, не преступление то, что мы делаем, а исполнение гражданского долга. Мы не боимся этой крови, ибо на ней строится великое будущее, так как пришел смертный час России, а мы и Россия еще не хотим умирать...

Аким слушал и, странно, было такое чувство, будто не по булыжной мостовой а по его спине двигаются и этот автомобиль, и эта толпа. Боли не было, но было острое ощущение тяжести, до изнеможения, до хруста костей и нужно было сделать огромное усилие, напружить все мускулы, чтобы эту тяжесть сбросить.

Он отошел от калитки — из рабочих оставался только курносый.

— А где-ж остальные?

— Удрали. Вишь ли, момент очень, удобный, пока тут бесятся — что хочешь делай. Айда и мы...

Они прошли к конюшням. Осмотрелись—в соседнем дворе ни души. Парень вцепился в перекладину и одним прыжком перемахнул через забор и следом за ним прыгнул Аким.

6

Аким уезжал в Мочульск на два дня, но вот уже шестые сутки, а о нем ни слуху.

Маша не знала, что думать.

Растерянная, взволнованная бегала по руднику от знакомых в контору, из конторы в партком, но телефонная связь с городом была прервана и рудник жил случайными и непроверенными вестями, и от этого только острее ныла остановившаяся у сердца боль.

Возвращалась домой.

В сизом осеннем тумане едва заметно выступали прерывистые очертания рудничных построек. Всматривалась — как все знакомо! — вот в этих широких, как раскрытые листы большой книги, улицах родилась, выросла и здесь же встретилась с Акимом, когда он только что вернулся из ссылки.

Мать была против.

— Не дело, девка, делаешь, с каторжным жизнь связываешь.

Отец поправлял жену, но поправлял по своему.

— Не каторжный, а политик. Только хрен редьки не слаще. Радости от такой жизни не жди. Век мыкаться будешь...

Не послушалась, вышла. А сколько раз вспоминала потом этот разговор, но было уже поздно: пошли дети и прочным узлом затянули семейную жизнь.

... А могла ведь устроиться иначе, в девках не насиделась бы, сколько людей сваталось...

Чья-то черная тень мелькнула мимо в калитку.

— ...Господи, никак Аким?.. Что-ж это я такое?..

Бросилась к избе и в калитку — нерешительно:

— Аким...

— Ой, никак Маша...

— Филатыч!.. А я думала... пойдем в хату...

Филатыч прошел на середину комнаты, присел на табуретку и, расчесывая курчавую пегую бороду, проговорил:

— Я ведь на минутку, в партком иду... Не приехал еще?

— Нет, Филатыч... Уж я голову потеряла. Что слышно-то хоть?..

— Да все то же. Кто про Фому, кто про Ерему. Ночью вот должен вернуться Миничев, посылали мы его на разведку...

Поднялся, погладил по голове прижавшегося к нему семилетнего Леньку и протянул руку.

— Прощевай пока. Не больно огорчайся... А где Маринка-то?..

— Спит...

Ушел Филатыч, а Маша — будто кто схватил ее за руки и изо всех сил потянул вниз — опустилась на скамейку и долго так сидела с опущенными вдоль колен руками.

Прерывистый, хриплый гудок задрожал, застонал от нестерпимой боли.

— ... Господи, неужто в шахтах что?..

Сорвалась с места и, накинув на голову полушалок, выбежала на улицу.

В сизом тумане тускло, как шахтерские лампы, светились оконца рудничного поселка. Мимо, к конторе, бежали шахтеры, женщины, подростки.

— Что такое?.. Ай в шахтах неладно?..

— Тревога. Белые идут.

Крикнули на бегу и расстаяли в тумане. А гудки задыхались, бились в судорогах и вместе с ними, казалось, выла от боли вся степь и кровяными рубцами покрывался исполосованный воздух.

Оставив дома детей, Маша побежала в контору.

Контора битком.

В густом махорочном дыму слепыми бельмами маячили под потолком электрические лампы.

Впереди на столе упрямо торчала окаменевшая приземистая фигура Филатыча.

— Товарищи я должен вам сообщить только что полученное нами от товарища Миничева сообщение. Мочульск занят войсками генерала Огарева, а на рудники двинул свои отряды эсаул Семенков... Вы помните этого эсаула по пятому году, когда он занимался расстрелом шахтеров...

Гул прошел по конторе.

— Товарищи, прошу сохранять спокойствие...

Глаза, как иглы впились, в докладчика.

— Вы знаете что это значит. Но, товарищи, будем верить, что этого не случится. Мы должны дать врагу должный отпор...

Филатыч наклонился вперед каменным туловищем и от тяжести ли, от упорного ли взгляда лихорадочно горящих глаз толпа подалась назад и оцепенела.

— Я предлагаю вам заслушать наше воззвание к шахтерам всего Ириновского бассейна...

Филатыч наклонился в сторону за протягиваемой ему бумажкой. Этой минуты и этого жеста было достаточно — собравшиеся вышли из оцепенения.

Из центра, из углов раздались крики:

— Обсудить надо!.. Обсудить!..

И гул всей конторы грохотом взорванной скалы обрушился на докладчика:

— Обсудить!.. Обсудить!..

И на столе вместо Филатыча уже маятником качался высокий худой запальщик Алешин.

— Товарищи, вас призывают к вооруженному сопротивлению вашим братьям, — кричал он, размахивая длинными руками:

— Но, товарищи, пойдем ли мы на этот путь?..

— Провокация!..

— Пускай призывают, мы сами...

— Шкурники!..

— Провокаторы!..

— Довольно!.. По домам пора!..

— Закрывай собрание!..

Собрание разделилось на две неравные половины.

Сжавшись в угол, стояла кучка сторонников вооруженного сопротивления. Сплошной, пропитанный потом и углем, стеной наступали на них противники.

— Провокаторы!.. — кричали наступавшие.

— Шкурники!.. — отвечали из угла.

Уже не один, а двое стояли на столе: Филатыч и Алешин, но их не слушали.

— Довольно!.. Завтра обсудим!..

— Шкурники!..

— Завтра, завтра!..

Собрание было сорвано. Контора опустела.

Партийцы прошли к себе в комитет. Наступили часы тревожных ожиданий.

7

Ночью в комитет прямо со станции пришел Аким.

В маленькой густо пропитанной дымом комнате шло заседание.

Увидев Акима, все встали к нему навстречу.

— Наконец-то!.. А мы, брат, без тебя влопались тут...

Под рыжим ворсом дрожала приветливая улыбка.

— Что так?.. Да вы хоть бы форточку открыли, табашники проклятые.

Аким сбросил полушубок и подсел к столу.

— Ну, выкладывай все, что знаешь.

— Да что - ж докладывать?.. — Аким развел руками.—Надо отступать. Пока не поздно, нашим красногвардейцам необходимо связаться с основным ядром армии, а части партийцев остаться здесь и вести работу.

Он встал. Короткие обрубки пальцев впились в стол. Морщины на лице заострились и все оно казалось спаянным из треугольников.

— Мы должны будем так сделать. Это раз. Второе, мы не должны забывать, что наш отход временный. Рано или поздно — мы сюда вернемся.

Решено было обратиться к шахтерам с воззванием.

Филатыч взял бумагу, карандаш и вскинул путаную шерст бровей:

— Даешь, Акимыч!..

Аким отошел к окну. В комнате было тихо и только равномерный счет маятника нарушал тревожное безмолвие.

— К шахтерам Ириновского угольного бассейна.

Филатыч прилип к столу, борода веером растеклась по бумаге.

— Убери бороду-то,—посоветовал ему кто-то шутливо.

Аким диктовал:

— Достигнутые завоевания народа стоят сейчас перед грозной опасностью врага. Со всех сторон нас окружают... нас окружают... ну?.. написал?..

Весь в поту, Филатыч сосредоточенно сдвинул брови и тяжело сопел рябым мясистым носом.

— Со всех сторон нас окружают,—растянуто медленно повторял он за Акимом.

Строчки ползли вниз, буквы налезали одна на другую.

— Ишь, дьяволы, ровно стадо баранов, так в кучу и лезут...

К рассвету воззвание было готово и вызванной в партком конторской барышней отпечатано на машинке.

Во дворе и в конторе собирались один за другим шахтеры.

— Акимыч, под твой начал пришли,— говорили они обходившему их Акиму.

— Тут без тебя которые бузу подняли и нас сбили, а теперь вот передумали...

— Утро, как говорится, мудренее вечера...

Аким раз'яснял положение.

Кое-где слышалось недовольство.

— Как же так?.. Отдавать, значит?.. Да неужто?..

В воротах Аким увидел жену и пошел к ней навстречу.

Желтая, с красными от бессонных ночей глазами, Маша подбежала к мужу и схватила его за руку.

— А я чуть с ума не сошла,—проговорила она дрогнувшим голосом:—Тоже отцом называешься, воззвания подписываешь, а домой глаз не кажешь...

Лицо ее нервно подергивалось и губы кривились, словно от боли. Аким видел: достаточно одного слова против—и слезы, и потому проговорил как можно спокойнее:

— Что - ж поделаешь?.. Видишь сама какое дело-то... Сейчас приду. Ты иди пока, да поесть что-нибудь приготовь...

И, положив ей на плечо руку, ласково посмотрел в глаза:

— Иди, хорошо?..

И быстро пошел к конторе. В дверях столкнулся с Филатычем. Тот отвел его в сторону и что-то заговорил быстро, заикаясь.

— Ладно,— мотнул головой Аким: — об'явить надо. Иди в контору, а я тут, во дворе.

И, повернувшись лицом к рабочим, захлопал в ладоши.

— Внимание, товарищи...

Шахтеры подтянулись к крыльцу.

— Предлагаю сейчас же спокойно разойтись всем по домам. На станцию прибыл эшалон казаков с артиллерией и к ночи будет у нас... Еще раз, товарищи, спокойствие и выдержка... Сейчас это главное...

8

День был мутный, серый.

Улицы обезлюдили и оттого казались еще более широкими, и жалкими одиночками стояли в них шахтерские домики.

Аким сидел на корточках перед подтопком и жег бумаги. Он только что

вернулся из старой заброшенной шахты „Наклонная № 7", где была оборудована конспиративная квартира.

Тут же, около печки, играя с отцом, возились Маринка и Ленька.

Леньку разбирало любопытство. Обхватив отца за шею и засматривая ему в глаза — спрашивал:

— Папа, а зачем это так?.. Ведь тепло же...

Аким ласково трепал его за щеку.

— Молчи, сынок... И смотри, никому не говори... Понял?..

Ленька шмыгнул носом.

— Угу... Я знаю, полиции боишься...

— Ну, вот... Раз знаешь, то и молчи...

Маринка звонко смеялась и хлопала в ладоши. До чего это хорошо и весело, когда охваченные огнем бумаги начинают корчиться!

— Папа, папа, смотри, смотри...

Маша сидела в углу и молча смотрела на мужа. Лицо ее осунулось и еще больше пожелтело. Глаза ушли вглубь и плечи опустились так, словно налегла на них непосильная тяжесть.

Не хотелось ни о чем думать, но мысли насильно подступали и до боли ворошили мозг.

Вспоминалось:

— вот также и у этой же печки сидел Аким и жег прокламации. Это было в пятнадцатом году. Потом пришли жандармы и взяли его, а ее целый месяц мучили допросами. И как мать, тогда еще живая, говорила: — Ну, что?.. Не слушала родителей-то?.. Видишь теперь сама какое сладкое житье... Каторжный — каторжный и есть...— И как не спала ночей, и как плакала, и как все это нужно было скрывать от людей, от своих и чужих...

Аким слышит за спиной тяжелый вздох и медленно поворачивает раскрасневшееся от огня лицо.

— Что ты там? — спрашивает он, смотря куда-то мимо жены.

Она молча кусает губы и отворачивается к окну.

— Ну, вот... Ну, вот... — растерянно говорит Аким и подходит к ней.

Долго сидят рядом и говорят о хозяйстве, о детях, о рудниках и на время будто забывают, что разговоры эти сейчас ненужные, лишние.

Взгляд у Акима мягкий, теплый и голос—не его голос—чужой, где-то когда то слышанный, но позабытый.

По-немногу Маша успокаивается и по тонкой паутинке вокруг глаз паучком бежит из-под опущенных ресниц улыбка.

Говорит, подымаясь:

— Давай-ка чай пить... Вон и ребята просят...

Идет к самовару и следом за ней идет Аким.

Говорит:

— Давай я сам поставлю,— и ласково улыбается в рыжий ворс.

К вечеру — как всегда в это время — поднялся с низин туман и плотно окутал рудники.

Где-то далеко раздался пронзительный свист, потом выстрелы.

Маша побледнела и дрожащей рукой поставила на стол чашку.

— Приехали,—глухо, словно про себя, произнесла она.

Аким повернулся к окну и прямо — лицом к лицу—в упор на него смотрело сквозь стекло рябое, плоское лицо казака.

— Открывай тудыт-твою... Слышишь!..

Аким, не торопясь, надел полушубок и вышел в сени.

Маша встала у печки и прижала руками детей.

С руганью и шумом в избу вломились казаки. Рябой, держа в руках винтовку, подошел к Акиму:

— Ты комиссар Жуков?

Аким ответил спокойно:

— Комиссара Жукова здесь нет, а есть председатель рудничного совета.

Казак качнулся вперед и вцепился Акиму в ворот полушубка.

— Врешь, св-волочь?..

Аким молча отцепил его руку и прошел к столу.

Казак расставил ноги и, раскачиваясь всем телом, уставился на Акима.

— Врешь, свв... По глазам вижу. Говори, лучше будет...

— Я сказал. Прошу делать то, зачем пришли.

Казак распялил мокрый волосатый рот и хрипло рассмеялся. Опустился на скамейку и запрокинув назад голову, — отрядникам:

— Обезоружить его и ар-рестовать...

— Прошу делать то, зачем пр' или..

Избоченился и скосил глаза на Машу, и взгляд этот, словно придавил ее к печке: бледная, она стояла с опущенными руками и тупо смотрела прямо перед собой.

— Ор-ружие, п-понял?..

Аким протянул заранее приготовленный бульдог. Казак подбросил его на ладони и сунул в карман.

— Од-девайся...

— Я одет...

— В-выходи...

И вдруг дети оторвались от матери и с плачем вцепились в ноги отцу. Аким наклонился к ним и поцеловал,—поднял глаза на Машу — она стояла все также, будто прибитая и только потому, как плотно сжаты были сухие тонкие губы и как дергался на правой щеке мускул, понял Аким — нужно торопиться. С усилием выдавил из себя:

— Маша, возьми их.

А когда вышли в сени и захлопнулась дверь—услышал за дверью, надрывистый крик и стук от рухнувшей на пол тяжести.

Задержался и посмотрел назад, но казак кулаком ударил в спину.

— Смотри прямо, иначе застрелю на месте.

Аким задрожал от злобы, но сдержался. Поднял воротник, засунул руки в карманы и так шел до самой конторы.

9

У крыльца конторы в широких полосах пробивающегося сквозь туман электрического света толпились спешенные казаки. Увидев арестованного, они весело загоготали.

— Попался, голубчик...

И один из них, подступив к офицеру и болтая в воздухе рукой, видимо, желая взять под козырек, проговорил заплетающимся языком.

— В-ваше бл... бл... дозвольте этой кр... кр... св-волочи в морду дд...

Казаки оттащили пьяного в сторону. Акима ввели в контору, в кабинет главного инженера.

За столом, развалившись в кресле и сдвинув папаху на затылок, сонно сосал трубку сам Семенков. Большая круглая голова вросла в плечи, широкий щетинистый подбородок упрямо высовывался из мехового ворота полушубка.

Услышав шаги, эсаул перевалился вбок и медленно приоткрыл тяжелые опухшие веки.

— Отведите его к вагонам,— проговорил он, смотря на Акима прищуренными глазами.

Казаки взяли Акима за руки.

Отбиваясь от них, Аким подошел к столу и крикнул:

— Это как же?.. Без допроса и суда?

Эсаул вытащил изо рта сигару и толстым мясистым языком облизал нависшие на рот усы.

— К вагонам,— еще раз приказал он и закрыл глаза.

За окном кто-то громко переругивался В нараставшем гуле Аким уловил знакомые голоса шахтеров. В кабинет вбежал хорунжий и что-то шепнул эсаулу на ухо. Тот повернулся в кресле, посмотрел в окно, потом на Акима и зажевал губами.

— Хорошо,— сказал он и спрятал глаза в стол.— Я отправлю тебя в Мочульск. Там допросят.

В конторе толпились семьи арестованных. Слышался плач и бабий вой. На минуту Аким вспомнил своих и, стиснув зубы, вышел во двор.

Двор был набит шахтерами.

Кто-то крикнул:

— Акимыча ведут.

И в ту же минуту толпа хлынула к крыльцу и тесным кольцом замкнула арестованного и сопровождавших его казаков.

— Акимыч, Акимыч!— неслось со всех сторон. — Да что-ж ты?.. Мы бы их, сукиных детей...

Кто-то хлопал по плечу, кто-то дружески и крепко пожимал руки.

— Акимыч, да мы их...

И только сейчас услышал Аким надрывающийся вопль рудничных гудков.

— А, чорт его дери, ведь это провокация,— подумал он и посмотрел на своих конвоиров.

— Вот что, гражданин,— обратился один из них к Акиму:— уговори толпу разойтись, а то ведь наши стрелять будут... Хуже выйдет, право...

— Ладно. Поднимите меня...

Казаки усадили его на плечи. Аким замахал шапкой.

— Товарищи, я прошу вас быть спокойными и разойтись по домам. Ничего опасного мне не угрожает. Меня везут в Могульск. У вас остаются рудники, сумейте сохранить их...

Двое конвоиров прошли вперед. Толпа расступилась.

— Прощай, Акимыч. Не сумлевайся,— неслось вслед уходящим.

— Прощай, прощай!..

До ветки было с версту. Дорога шла между шахт. В ночном тумане тускло маячили огни шахтерских домишек. Где-то, за копром, заливисто лаяли собаки, а тревожный вой гудков кровяными рубцами полосовал воздух.

(*Окончание в след. номере*)

БОРИС СОЛОВЬЕВ

НА СТРАЖЕ

Я день и ночь стою на страже,
Где плечи гулкий мост простер,
Где опьяняет ветер бражный
И закадычный друг — костер.

Струят кривые пальцы сучьев
Мелькающий по лицам зной,
Глотать мороз и дым тягучий
И ветер дикий и хмельной.

А ночь, привычную плутовку,
Не вскроет ни одна звезда,
Но неизменная винтовка
Прилипла к пальцам навсегда.

Шаги, звенящие на стуже...
Глаза бессонные — в упор —
„Остановись, любезный друже!" —
И гулко щелкает затвор.

Струится дым седой и горький,
Обматывая каждый час,
Здесь нужен зоркий, зоркий, зоркий
И меткий, точно пуля, глаз.

Я день и ночь стою на страже,
Где плечи гулкий мост простер,
Где опьяняет ветер бражный
И закадычный друг— костер.

1923 г.

Затравленный

Рассказ П. ЯРОВОГО

Светлой памяти друга
Александра Сергеевича
Неверова.

Разные пути бывают в жизни у человека. У Застрешина Ильи путь свой.

И почему-то сейчас, идя в редакцию „Красный звонарь“, думает о нем. Почему-то вспоминается родное село „Зеленые Борки“, отец, братья. Особенно отец. Если пойти на восток и не останавливаться, увидишь степь, Волгу и „Зеленые Борки“. Там опять засветят голубые глаза старика, и, наверное, спросит он:

— Ну, как, нашел счастье?

Он, Илья Застрешин, пока умолчал-бы.

— Счастье?. Разве его ощупаешь, расскажешь?.. И написать о нем трудно...

А пробовал...

Думает о пути, видит его идущим издалека и не может отвернуться.

Дедов путь утонул в тумане лет. От него идет мучительный путь отца — „затравленного человека“ — через барскую розгу, солдатчину. Как нагруженный верблюд шел он выжженой пустыней. То и гляди занесет песчаная пурга и похоронит навеки. И мечтал старый Застрешин о зеленом острове счастья, чтобы на нем раскинуть алый шатер...

За ним суровый путь сына — Ильи Застрешина. И тоже издалека. Его жизнь — поле, жаркое небо и желтое марево впереди. Там под солнцем стадо и кнут подпаска. И от кнута — до Москвы, от азбуки — до музеев, библиотек, до сознанья своего человеческого облика. И не легко, и не просто, а так из „Зеленых Борков“ до уездного города через трактир.

Из уездного города до губернского через лавку торговца. Из губернского города до Москвы через революцию.

Отец-батрак, сиволапый мужик. Сын-батрак писатель—новое имя наших дней.

... Так хочется Илье Застрешину вновь видеть отца и заглянуть поглубже в его голубые глаза, — как уставший путник смотрит в прохладный родник. И жадно пить простые мудрые слова. И он, Илья Застрешин, услышал бы шопот мужицкой речи, как тогда, когда ему было только четырнадцать.

Утром, на заре они ехали за снопами. Отец долго о чем-то думал.

Потом посмотрел на Илью немного сердито.

— Земли у нас нет. . Чего делать вам четверым?.. Тебе надо другую линию взять.

— Какую? — бойко спросил Илья.

Из под войлочной шляпы отца выбилась седеющая прядь волос· Длинная борода упала на пестрядину. Он опять подумал.

— Может в живописцы хочешь?

Не знал четырнадцатилетний Илька, итти ли в живописцы. Он любил рисовать избы, лошадей, лес, речки и пьяных мужиков. Но разве это линия? И оттого, что отец говорил с ним, как с равным — вырос Илька.

Возмужал духом, сердце человеческое почувствовал и услышал, как гордо застучало оно. Задумался он и грудью в грудь встал с огромнейшим вопросом жизни — в какую даль устремиться.

Но почему же сейчас, когда Илья Застрешин идет в редакцию „Красный звонарь", так живо встали эти картины давно пройденных ступеней. Не отец ли опять через полевое пространство шепчет ему:

— Выбирай, сынок .. Не ошибись...

Да, надо опять разрешить вопрос.

— Какую линию взять батраку-писателю?

II

У редактора „Красного звонаря" Евгения Мелких путь тоже — свой.

Он пишет очередную статью, в которой сто первый раз задает вопрос — есть ли в наши дни художественная литература. Лоб его то и дело сбирается в складки. Трудно отвечать. Одному нравится, если скажет — „Есть". Другому нравится, если скажет — „Нет". А кто из них сильнее, кто видит дальние рубежи—Мелких не может угадать. Своего у него нет, а если и есть, то все от классиков, сам весь в мире классиков. Скрипит перо, поскрипывает мысль критика Мелких, усмехается она, если фраза о пролетариате удачна. В пять лет выработал стиль, в память положил тысячу слов, которые необходимы для современного Белинского.

...— Занят — кричит секретарь Застрешину.

— На десятом месяце могу без пропуска,— иронически ответил Застрешин.

Мелких вскакивает и враждебно смотрит на Илью. А Застрешин усмехается, словно дразнит редактора. Он знает, что ответит Мелких и сегодня же сделает вывод — так или не так...

Враждебные взгляды Мелких на Застрешина начали проливаться так щедро после одного разговора, когда Илья неосторожно сказал критику Мелких.

— Жаль, что у нас нет своих Белинских...

И вот.

Редактор „Красного звонаря" прищурился.

— Вы ко мне?

— Да.

— Вашу повесть... Как она называется?..

— Книга о затравленном человеке.

— Не прочел.

— В девять месяцев вы не могли прочесть?!. Я нарочно записывал. . Двадцать пять раз был у вас... Пятнадцать раз заставал и десять не заставал. Это весьма и весьма против НОТ, на который вы ссылаетесь в одной вашей статье...

— Ничего не поделаешь... У меня дела, дела, дела...

— Скушно, товарищ Мелких... Дайте повесть.

— Пожалуйста, — усмехнулся Мелких. Хотя вы напрасно изволите гневаться... Я уже прочел три страницы и могу сказать вот что... У вас контр-революционный уклон .. Вы даете не существующих мужиков...

— То-есть?..

— То-есть.. ваши мужики слишком революционеры. . слишком умны... Они даже философствуют. . Произносят речи... Вы не знаете деревню и видимо, не читали книгу Яковлева „Деревня, как она есть".

— Бросьте вы городить ахинею—обозлился Застрешин, схватил рукопись и потный выбежал из редакторского кабинета.

— Что такое? — шопотом спросил его секретарь.

— Испортить меня вам не удастся... О слюнтяях писать не хочу... На эту

братью другие найдутся и распишут .. Может быть воскресят из мертвых Бунинскую деревню...

Застрешин дрожал. Он хотел, чтобы слышал его крик критик Мелких и хоть-бы из окна посмотрел на действительность.

Схватил секретаря за плечи, уперся ему в глаза горячими глазами гнева и прошептал:

— Вы понимаете, или нет?.. Я описал жизнь своего отца... свою жизнь... А вы говорите — не существующие...

— Я тут не причем—зашептал секретарь и робко посмотрел на дверь кабинета. Я наоборот говорю, что ты — талантливый писатель.

— Нет... вы губите молодежь... Сопьется она. . Смотрите, что происходит..

И неожиданно добавил.

—Впрочем, сильного вы не свалите... Прощай... Больше к вам я не приду...

Дорогой Застрешин остыл, одумался и плюнул.

— Сволочи... Думают от их тупоумия мир погибнет... Не-эт!.. Меня-то вы не собьете... Я докажу вам, кто не нужен жизни... Выбросит она вас — погодите...

И казалось Застрешину, что на земле слишком много лишних, ненужных людей. Нужные почти все затравлены выбиваются из сил, чтобы сбросить с себя тяжелое бремя и бытие затравленного человека.

III

Каморка—жилище Застрешина в одно окно, с каменным полом.

Но сейчас весна. Можно не чувствовать холода и сырости забыть о них месяца на четыре.

Зато в глазах Мани — мрачная осень, а голос ее — плакучая ива. Давно уже нет веселой Мани и друга на тяжком пути Застрешина. Это страшнее Мелких И это началось с тех пор, как на улицах Москвы появились дамы в шелках и барышни в модных шляпках, а магазины закричали роскошью.

Сегодня день испытаний—и Застрешин приготовился.

Маня встретила его с переломленными бровями. В серых, красивых глазах застаревший вопрос.

— Опять нет?

— Опять нет — отвечают глаза Ильи.

— Я больше не могу...

— Знаю, знаю. .

— Ну, что ты знаешь?

— Успокойся. .

Застрешин знает самое главное—Маня не верит в его талантливость.

Маня не одна так думает, и писатель Денисов, друг обоих, и критик Мелких, и многие, многие так думают. Потому видит Маня, что Илья Застрешин неудачник, что путь с ним безрадостен...

Илья кивнул головой сыну, Косте, а тот посмотрел на него большими умными глазами и протянул:

— Папа пьишеол... Папа пьише-ол...

— Ну, ну, иди ко мне, гражданин Застрешин..

— Папа пьишел...

— Пьишел, пьишел... Садись ко мне на колени и спой свою любимую...

— Спою — строго сказал Костя и начал петь.

Ах по-па-а-лясь птицка-а сто-ой,
Не у-уй-дес ис се-с-ти-и
Не ла-а-станимси-и с то-о-бо-ой
Ни за-а-цто-о на-а све-эти-и...

— Молодец. Раз попалась, значит — стой... Дурочка птичка, что залетела к дурным детям... Надо ее, Костя освободить. .

Мальчик серьезно посмотрел на отца.

— А куда аня полетит?

— А аня полетит, куда ей захочется.. в поле, в лес, за сине море... Помнишь я тебе сказку расказывал?..

— Помню.

— Вот...

— А мы полетим, папа?

— Обязательно полетим.

— А мама полетит?

— Иди, спроси ее.

— Мама! — Костя побежал к матери. Ты полетишь с нами?..

— Глупости он говорит... — сердито ответила Маня и отвернулась.

Костя в недоумении.

Грустен маленький Костя. Что-то почувствовал в этот раз и больше не хотел петь о „птичке".

Застрешин вздохнул и поднялся.

Долго бродил по улицам, опять вспоминал отца, поле, кнут подпаска, горячее солнце. Снова длинный путь вился по равнинам под дождем пота и крови.

Витрины кричали о новинках, мужчины и женщины насыщались в кафе, пивные орали в пьяном угаре, а Застрешин думал: „Трудно не соблазниться“.

IV.

Вечером пришел Денисов — писатель группы „Гусляры“. Это тот самый, о ком шепчутся разодетые мечтательницы, фаворитки чувствительной поэзии:

— Денисов — душка...

Это тот самый, о ком критики и рецензенты пишут.

— Денисов подает надежды.

И о нем критик Мелких обронил несколько крылатых слов.

„Этот год дал нам крупный талант. О нем придется говорить серьезно“.

И сам Застрешин знал, что Денисов очень талантлив и радовался за своего друга. Не очень давно они были близкими, как два коренастых ствола, выросших на одной почве. В долгих беседах намечали творческий путь, верили, поддерживали друг друга, а однажды дали друг другу клятву. В ней говорилось о том, что Денисов и Застрешин не сойдут с намеченного пути и дадут полное лицо затравленного человека. И о том, что только неуставаемое революционное творчество даст счастье и приятный, мирный труд огромной, великодушной соломенной России.

Денисов красив, молод, здоров и тщеславен. Не раз полушутливо останавливал Застрешина у памятника Пушкину и говорил.

— А нам, Илья, поставят такие?

— Непременно поставят,—шутил и Застрешин. — Или мы лыком шиты?!.

И между ними начинался интимный разговор, воспоминания о том, как оба проделали трудный путь из деревни до Москвы, как много встречали неодолимых препятствий и одолели. В обоих вырастало гордое чувство значимости. Каждый считал себя на голову выше многих писателей, которые бегают по редакциям и суют редакторам свои мелочишки...

И вдруг что-то произошло с Денисовым.

Маня повеселела, разрумянилась, а Денисов словно для нее нес известие о своем успехе.

— Здорово мне повезло сегодня—говорил он, — продал книгу, получаю сто червонцев.

— Поздравляю—сказал Застрешин без тени зависти. Но губы его дрогнули. Он заметил, как потемнело лицо Мани, как глаза ее остановились на нем. И взгляд сказал впервые так откровенно и безжалостно:

„Вот—золотой человек, а ты—простофиля“.

И будто этот же взгляд вдохнул в Денисова радость. Денисов стал словоохотливым, подвижным, на свой путь посмотрел радужно и сказал Застрешину чуть-чуть учительно.

— Сначала надо создать материальную базу, а потом сесть за серьезную работу,

Застрешин покачал головой.

— Значит, эту книгу ты не считаешь серьезной?

— Конечно нет. Лод для такой литературы, а мне нужны деньги. .

— Я боюсь, что с таким методом ты никогда не начнешь серьезно работать... Сейчас молодость, горячая кровь — и все убьешь на создание материальной базы... В экономике надо начинать так... в искусстве — нет... В искусстве молодость, задор, свежесть и темперамент. . Червонцы возьмут темперамент и молодость...

— Ну... это мы посмотрим, — гордо крикнул Денисов, а Маня сказала.

— Ты сам-то... Ты любишь отыскивать каких-то героев... революционеров... В жизни все одинаковы... Только на словах показывают темперамент и революционность.

И Денисов неожиданно подтвердил:

— Марья Петровна права.

— Неужто? — усмехнулся Застрешин.

Денисов даже покраснел.

— Я ни одному чорту не поверю... Во-первых, писателю надо знать, кто теперь читает. Читатель требует Пильняка, Эренбурга... Он смеется над

твоими мужиками... Он смотрит на них, как на производителей булки, но для него мужик — скотина... И критика не признает тебя...

— А вывод? — спрашивает Застрешин с горькой улыбкой.

— Вывод прост. Умерли Долохов, Широков, Смелов... Одна и та же причина—голод... Последние таланты гибнут... Что же делать?.. Сдыхать?.. Я не согласен...

Застрешин слушал внимательно, а на него злыми глазами смотрела Маня. Только стоило сказать Илье, что Денисов неправ — она уже готова напасть на Застрешина, опрокинуть его выводы и во всем оправдать Денисова. Это заметил Илья — махнул рукой.

— Не стоит жвачку жевать... Здесь много правды, но... все к одному сводится... хочется кое-кому подорвать строй, купленный кровью... Кому-то не жаль этой крови..

Застрешин встал перед Денисовым, положил руки ему на плечи и посмотрел в глаза.

— Друг... мы с тобой об этом поговорим после...

— Почему это? — гневно закричала Маня.

Застрешин махнул рукой, Денисов заторопился и стал прощаться.

Друзья на этот раз стали почти врагами. „Еще одного захлестнуло" подумал Застрешин, смотря вслед уходящему Денисову. Потом вышел и сам, побрел в союз писателей, встретил приятелей, у которых одна и та же боль — их не печатают, им не дают деньги, они голодают, загнаны, несвободны.

Человек сто-аудитория. Шляпки, белые платья, пышные прически, модные костюмы, улыбки, шепоты... Это почитатели, родственники писателей и поэтов, любители словесности, критики-резонеры с гордыми взглядами.

Читает повесть писатель Шарков. В ней говорится о том, как жил в советской деревне некто Мурзин, как мужики тупы, как дикостью сводят с'ума Мурзина. И нет там революции, время бежит нудное, серое. И нравится костюмам и шляпкам, что мужик туп, дик. И кажется шляпкам и костюмам, что никакой революции не было, а приснился им дикий бунт. Писатель Шарков доказал всем, что мужик был и будет всегда врагом рабочего класса.

А критик из публики, хваля писателя Шаркова, возражает молодому парню из Вуза.

— Все говорят, что какие-то крестьяне..

Застрешин с ненавистью смотрит в глаза критика. Ему кажется, что в них самое неприкрытое тупоумие.

— Не знаете, какие крестьяне?! — хохочет Застрешин.

Вскакивает председатель.

— Я прошу!.

— Раз'ясните ему, кто такие крестьяне, кричит Застрешин.

— Я прошу соблюдать порядок..

— Я тоже призываю к порядку...

Шум, косые взгляды, злобные шопоты Застрешина обстреливает сотня глаз.

Но среди них есть молодые, веселые, сочувствующие, которые ободряют Застрешина. И только для них хочет он говорить о ложных путях в искусстве, только для них, выкрикивает лозунг.

— Подальше от мертвечины!..

V

Два года назад Маня говорила Застрешину.

— Не бойся, Илюша... Я привыкла к нужде...

А вот сейчас, когда в коморку заглянуло утреннее солнце сидит она непримиримая, И Застрешин знает: не удержать ее.

Ей, такой молодой и красивой не иметь беленького платья и шляпки большое горе. Выйди на улицы, пройдись по бульварам—горят цветные толпы девушек, женщин, парней и мужчин. В глазах улыбки весны, в смехе довольство. В это время не иметь вдоволь сахару и есть картошку с черным хлебом тяжело. И потому говорит Маня.

— Когда все голодали другое дело... Теперь голодают только дураки...

На все ответил Застрешин как-то спокойно, покорно.

— Ты права, Маня, но и я прав...

— Я это давно слышу...

— Верно, верно... Давай найдем из этого положения выход...

— Да... пора, твердо сказала Маня.

— Вот и хорошо—грустно усмехнулся Застрешин. — Мой дружеский совет не откладывая, перестрой свою жизнь...

— Да, да... Только бы найти службу... Ты даже в этом не можешь помочь...

— К несчастью да...

VI

За окном весна, зелень, смех. А Застрешин заточил себя в коморку.

Костя в детском доме. а Маня...

Застрешин не винит ее. Зачем? Среди голодных—виноватых нет. Он отпустил ее с миром, и она, видимо, рада. Нашла себе работу помог Денисов к нему и переехала. И Денисова не винит Застрешин. Значит пути их скрестились.

Один Застрешин немножко скулит.

А если Маня погибнет?.. Если Костя?.. ведь он плоть от плоти твое семя...

Другой Застрешин кричит.

— У Кости жизнь впереди... Когда он будет взрослым, Россия станет неузнаваемой... Россия станет прекрасной страной и Костя будет счастливым...

Скулящий насмешливо спрашивает.

— И ты веришь?

— Да, верю. Поэтому должен иметь не одного, а миллионы любимых... Они тоже плоть от плоти мои братья...
Я должен итти намеченным путем, чтобы Россия стала колыбелью счастья миллионов..

Иной светлый, стремительный дерзкий Застрешин вышел из семи дней и ночей жестокой борьбы. И сказал этот новый.

— Напишу поэму о командарме....

И пишет в бреду, полусогнувшись над столом.

За окном весна.

По улицам ходят озорные комсомольцы

Дымят заводские трубы, а еще дальше поля, перелески, Волга и голубые глаза отца.

А он пишет о командарме, у которого не было семьи, дома. Только сотни тысяч бойцов, поля, леса и горы под солнцем да он в этой живой, красивой семье.

Написал и подумал.—„И опять скажут мне". Ты, Застрешин, написал о несуществующем командарме. А критик из публики заметит глубокомысленно. — „Какой то командарм".

Застрешину от этих мыслей стало смешно и весело, и проработал он до вечера, н‛ сходя с места. Он горел. Каждая картина в ярких красках проходила перед ним. Каждое лицо с живой улыбкой останавливалось перед ним, словно на параде. А таких лиц он видел миллионы.

— В буднях они могут быть обыкновенными людьми, но великая борьба сделала их героями.. Не тут ли человек становится человеком? .

Потом шел в детский дом и болтал с Костей.

— Мы полетим, папа?

— Непременно полетим... Расти большой и полетим..

— Я буду расти, — уверенно отвечает Костя...

При встрече с Маней сказал:

— Я буду иногда брать Костю к себе.. Разрешаешь?

— Пожалуйста — сухо ответила она.

Застрешин поморщился.

— Не будь врагом... Я ведь не такой негодяй, как обо мне думают.

На это Маня ничего не сказала.

VII

Раннее утро. Гудит город. Огромный с церквами Совнарком, рабфаки, колонны красноармейцев, рабочие. Колокола хотят перекричать зевы заводских гудков, а весна всех...

Небоскреб напротив заслонил солнце. Но оно давно взошло над полями.

Там раньше оно всходит к людям. И радуются ему сосновые боры, травы и нивы вызревающих хлебов. И там маленькое семячко уже дало росточек и греет его горячее солнце.

Надо посмотреть его и полюбоваться им...

Застрешин принес посудину воды, снял рубашку и облил тело прохладными струями. Вспомнил о Волге, чуть-чуть загрустил о ней.

Там был он здоровее — розовый, мускулистый, жизнерадостный, ближе к земле, а здесь ослабел, изнервничался, ослабил мускулы...

Но все-таки сказал:

— Вот теперь хорошо...

В голове и перед глазами командарм с миллионами знаменосцев...

Хорошо итти под музыку!..

Иначе нельзя.

Иначе скажут—„Какой-то командарм".

Иначе скажут — „Какие-то рабочие... Какие-то крестьяне".

Свежая мысль Застрешина не надолго останавливает его у окна. Он думает.

— Ночи и дни—сутки. Горе и радость—жизнь... Все же вместе — командарм, знаменосцы, Маня, Денисов, Мелких, Пушкин на пьедестале—светлое и темное жизни... Иначе нельзя, что-бы знать хорошее... А я?!.

И мечется давно прозренная мысль.

— Я, распятый на пространстве веков, наконец, вижу, как от моего деда и отца идет крепкая нить к Ленину. Мелких, Маня хотят ее порвать... Я должен сказать им — „Руки прочь".

И вдруг голос.

— Илья!

Оглядывается и бежит к двери.

— Мой старый... Тятя!..

Крепко прижимает отца и слушает его голос. А он мягкий, такой, какого давно не слышал.

— Сынка мой... Илюша!.. Вон ты какой?!. Мужик!.. Ну, как живешь?

— Живу... Видишь, какая хоромина?..

— То-то вижу... А где Маша?

— Маша?

На губах Ильи усмешка, которую старик не совсем понимает.

— Не понравилось ей со мной.

— Ишь ты?.. А я словно чувствовал... Надо, мыл, заодно и сына проведать...

Илье кажется, вот сейчас спросит — „Нашел счастье, или не нашел еще?"

Не спросил, а долго так посмотрел на него...

Панкрат крепок телом. Под белой шапкой волос кумачевое лицо.

Голубые глаза под зарослью густых бровей, как два светлых и глубоких родника. Из них истекает влажное тепло. И хорошо Илье смотреть в глубину родников и пить из них давно невкушаемую влагу. Что-то бодрое, свежее принесли эти удивительно добрые, простые мужичьи глаза. Запахло травами, степным ветерком и вкусной гарью пережженного навоза.

А Панкрат неожиданно покачал головой.

— Ты что тятя?

— Очень худой ты.

— Ничего, поправлюсь... Трудно с людьми ладить.

— Это, Илья, верно... Да так еще верно, што против нечего сказать... Главное — на всякого никто не угодит... Знаешь, зачем в Москву приехал? А вот слушай, я тебе расскажу.

Старик сел поудобнее, погладил бороду. По лицу скользила веселая усмешка, словно поддразнивала любопытство Ильи.

— И у нас также трудно ладить — начал Панкрат, излучая из глаз веселую усмешку.—Помнишь Выселского барина? Земля-то его подходит к нашему селу... Пятьсот — кусочек не проглотишь... Тут, сынка, надо тебе раз'яснить... Топерь у нас земля есть... Если на нее садиться сурьезно на всех хватит без драки... Но беда не вся вышла... В головах застряла у некоторых... От этой беды Веселские и давай беситься. Не хотят мирно, по-хозяйски, по-умному... Пишут в Земотдел бумагу. Мы — говорит на всю землю имеем полную праву, потому што землю держал наш барин Дурасов... Отцы, говорят, наши у него в крепостях состояли, маялись, а потому говорят вся земля наша по закону и давности. Вот меня и послали до самого комисара... Жалко Ленин умер. Он дал бы им барина...

— Разве вам земли не хватает?—спросил Илья.

— Не в этом дело... После голоду не очухаемся... Линии настоящей не найдем...

А Застрешин Илья вдруг вспомнил страшные дни.

Маленький листок, исписанный рукой старика, сообщал ему.

„Ещо пишу тебе, што брат Иван и Лександра померли от голода. А ещо померли от голода сестры Наталья и Прасковья и племянники.

Верно и Панкрат вспомнил страшные дни, нахмурился.

— Если бы не голод... Помешал он нам, Ильюша...

Помолчал немного, опять заиграл веселой усмешкой.

— А народ у нас другой пошел... Годка через три оклемаемся... Главное, сынка, вот што пойми, точка под нами — земля... И вот што заметь, если будешь о нас писать... На нас надо смотреть поласковее... Так и напиши — поласковее смотрите на мужика...

VIII

Бегут весенние дни, гремят по улицам.

Костя здоров. Говорит все о том же, когда полетит...

Маня живет в одной комнате с Денисовым. Видел ее Илья в новеньком платьице и шляпке.

У всякого своя дорога.

Отец и сын Застрешины живут в коморке и беседуют о жизни, о пашне, о деревнях с мужиками, о городах с комиссарами, рабочими, купцами и студентами.

Панкрата тянет на Волгу, на поемные луга косить сочные травы и смотреть на созревающие хлеба.

Однажды под вечер он вошел в коморку веселый, сел перед Ильей и закурчавил волосы.

— Мое дело в шляпе... Выселские в дураках остались, не удержались за барина...

А через минуту поднял глаза на сына и подмигнул.

— Встретил твою Маню... Хось-вось-не перепрыгнешь... Не взглянула...

Засмеялся.

— А в городе-то ровно два царства... Кто работает, а кто руки за спину заложил... Вобче хренового народа в городе собралось много... И вот, сынка, шел я и думал о тебе... Надо тебя немного поправить... Айда-ка со мной в деревню... Рожь ныньче, видать, будет хорошая...

— Я поеду — крикнул радостно Илья.

— Вот... Собирайся...

Через день отец с сыном ехали на вокзал, а вечером поезд помчал их к Волге.

Запестрели поля, приветливо замелькали перелески. В раскрытое окно завертывал степной ветерок, играл волосами Ильи. А он смотрел в дали, жадно дышал степью и думал: „Прокалюсь солнцем... Мускулы набью, потом вернусь в Москву и позиций своих не сдам никогда".

И было приятно сидеть рядом с отцом который так много видел и много вынес на своих плечах.

Под стук колес, под лаской степного ветерка, наливался Илья Застрешин бодростью. Видел ночные жарнички, мигающие из голубого полумрака степи. Звали поля укрепить дух, чтобы потом рассказать людям сел и городов, что только в бодрости духа счастье человеческое...

I

Лес да лес кругом, строевой красный Люди отвоевали у него полянку под пашни и выстроили деревнишку Кряковку.

Далеко от Кряковки до города, даже до волостного села не близко, особливо по непроезжей летней дороге. Но Кряковка не отстает от жизни. Нет в ней старосты — есть председатель; не стало шинков — завелись два самогонщика. Остальные мелочи жизни как и встарь.

Есть еще одна мелочь из новых—Тиханка.

Чужой он стал Кряковке, но корни его здесь, в песчаной тощей земле. Еще мальчишкой увезли его в город. И начал Тиханка свою жизнь на побегушках, пока не добежал до ткацкого корпуса. Стал Тиханка ткачом.

Много сил у парня. Плевать ему на все невзгоды, на них у молодца один ответ: шапка на затылке. На фронт пошел — шапка на затылке, в двух революциях кипел, а шапка все на том же месте. Только сыпняк надолго уложил Тиханку в постель.

Было это под Ростовом у Дона Тихого. Положили парня вместе с другими солдатами на повозку, и долго волы тащили живой груз к лазарету.

Выздоровел Тиханка, шапку на затылок сдвинул и призадумался: куда на поправку ехать? В городе родных ни души... Вспомнил сынок родителей, поехал в Кряковку.

Лет пятнадцать не заглядывал на родину, даже забыть успел, какова деревня и видом-то. Стали сани у родной избы, вышли к сыну отец с матерью. Рады старики. Поглядел Тиханка на избушку, обернулся к старикам и головой покачал. Хата валится, отец с матерью в могилу глядят.

Усадили гостя родители в передний угол. Отец угощал, по-стариковски приговаривал:

— Кушай, Тиханушка, кушай досыта! Я свежей яровички заварил...

И дрожащей рукой цедил в чашку мутный цветистый чай. Пахло в избушке пареной соломой. Мать выбирала из корзинки куски помягче, подкладывала под руку. Все понял сын и низко опустил победную головушку.

Нехороший подарок захватил с собою Тиханка из теплушки. Сам свалился и отца свалил: встал, а отец на кладбище переселиться успел. Понял парень: возвратным наградил отца.

Стояла в изголовьи мать, вытирала слезы фартуком:

— Один ты у меня, Тиша, поилец-кормилец остался.

Лицо у матери — словно шляпка у сморчка.

Заломил Тиханка шапку на затылок. Дело плевое!.. Коли он поилец-кормилец, надо, значит, в оглобли становиться, хозяйство принимать.

Вышел во двор. На большом деревянном гвозде увидал старенький хомутишко без шлеи, возжи в узлах. Под ними те-

лега с одним колесом, на телеге — соха. Вот и все...

В хлеве зашуршала солома. Оглянулся парень, а на него лошадь смотрит. Худая лошадь, старая. Сквозь лохматую сивую шерсть все ребра за сто шагов пересчитать можно. Вспомнил—таким конягам в деревне свое название есть: „без годов".

Подошел поближе. Лошадь сразу признала в Тиханке хозяина, тихонько заржала, словно закрюкала.

— Эх, ты, живой инвентарь!..

Сунул ее кулаком в бок, — чуть на навоз не опрокинул. И „живой инвентарь" в могилу глядит.

Не упал духом Тиханка. По привычке заломил шапку еще круче, грудь колесом выпятил:

— Посмо-отрим!..

II

Вгляделся Тиханка в жизнь деревенскую — дело табак... Пить-есть надо, а какой в Кряковке заработок по зимам? Самим делать нечего.

Затосковал Тиханка. И руки по работе затосковали. Какая же это жизнь, если пару здоровых рук продать некому?

— Отпусти, матушка, в город! Заработаю — пришлю... Не будешь ходить по чужим окнам, выпрашивать кусочки для сына.

— Тиханушка, родной ты мой! — выжимала старуха скупые слезы:—Хоть я на тебя в остатние, перед смертью-то, порадуюсь. Недолго уж...

Жаль сыну мать. А руки тоскуют, работы просят. Нашел старенькие сани, на живом инвентаре чуть не гору хворосту навозил.

Бродит по деревне Тиханка, на мужицкое убожество дивится. Разве это жизнь?.. Сидят по хатам, ковыряются в лыках и про одни только цены спрашивают. Заведет им:

— А вот у нас в городе...

Сердятся мужики.

— У вас, у нас... У вас — в пруде квас, а у нас там лягушки да вода. Лучше плети лапти, чем языком трепать. Кочедык с колодкой для Тиханки как ткачу слесарный станок. Парень опять про свое:

— А вот как мы революцию делали...

— А ну, ну?..

И готовы слушать до третьих петухов. Чадит на столе моргасик, тонким черным язычком подрягивает. Мужики кочедыками ковыряют, сами слушают.

— Расскажи, как с „толкочами" воевал.

— Да неуж-то вы ничего в газетах не читали?

— Какие здесь газеты?.. Никто, подь, и грамоте-то не знает.

Думал Тиханка: агитнуть разве?.. Начал речи вспоминать. Хорошие слова на сердце сложены, горячие, а мотнет языком — посыпятся какие-то обсоски. Умел он агитировать только руками: у ткацкого станка да винтовкой.

Тоскуют руки у парня, по работе тоскуют. И самому тоска...

Забрел Тиханка к самогонщику. Не ради выпивки, нет... Он, конечно, не прочь бы, да не на что выпить: купило притупило.

Сквозь двойные стекла рвется на улицу песня. Кто-то в пьяном веселье старую тоску мыкает. Голос женский... Вошел, а за столом старая девка Чеботариха сидит, своя же, кряковская. Года за полтора до Тиханки приехала и застряла. Выводит Чеботариха унылым заливистым голосом:

Ты—мальчишечка, ты—бедняжечка...

Ты склонил свою, эх! да головушку-у...

Сидит Чеботариха одна, хозяева на другой половине. Перед ней бутылка с чашкой. Обрадовалась гостю:

— А-а, Тиханушка! Поди-ка, выпей со мною...

— Ты что, именинница сегодня?

— Нету... Три аршина ситцу пропиваю. Знаешь, остаточки... На-ка, хватни!

Налила чашку и сунула Тиханке в руку.

— Пей!.. Справляй поминки по городскому житьишку. Что в прислугах накопила—все теперь спускаю.

— А зачем сюда .ала?

— Дура была! Надоело пареной морковью целые недели питаться, думала,—здесь похлебнее будет, пей!

Опрокинул Тиханка чашку, а Чеботариха другую наливает:

— Пей!.. Сейчас пойду за другою, аршина два еще пропьем.

Без привычки сразу охмелел Тиханка. В глотке зажгло, в животе жарко стало. Подумал: не с табаком ли?

Ополовинили вторую. Обняла Чеботариха парня за плечи и затянула про своего мальчишечку:

— Ты прости-и-и прощай, раскрасавица-а...

Заломил Тиханка шапку, приплюснул ее покрепче и подхватил:

— Красота твоя — эх! — мне не ндравится-а...

Из другой половины высунул голову хозяин, ухмыльнулся. Всхлипнула дверь. Пугливо озираясь, вошла закутанная в старую шаль девушка. Чеботариха обрадовалась:

— А-а, Маврейка, дочка моя милая... Выпей с нами!

Поглядела дочь на собутыльников. Черные глаза у Маврейки, словно спелые вишни в сахаре. И строгие.

— Матушка, пойдем домой.

Повернулась к Тиханке Чеботариха:

— Женись на мне, Тиханушка!.. Надоело, поди, одному шляться?

Смешно стало парню.

— Брось городить! Ты, небось, годов на пятнадцать старше меня..

— Ну, на Маврейке женись. Собственная дочь, только отца нету. В Кряковке и выросла. Упряма немножко, да сойдет. Женись, добро, а я опять в город подамся. Одна не пропаду.

Строгие глаза у Маврейки, черные.

— Матушка, пойдем домой...

Поглядел на нее Тиханка. Хорошая девка, только черна очень. Задумался. И всю дорогу до своей хаты про Маврейку думал.

III

Поздно плетется Тиханкина мать. На руке корзинка, в корзинке куски, что успела в селе насобирать, перекатываются.

Дует ветер. Жесткие катышки снега шуршат по крепкому насту, шепчутся с худыми валенками. И старуха шепчет. Слушает нос, как устала и прозябла бабка. От жалости краснеет и мокнет.

Думает старая о своей жизни. Вспомнит о сыне, и теплее станет ей, шепчет:

— Ждет, поди...

Добрела до хаты, а окна темные: нет сынка. Вздула старуха в избе лучину, отняла заслонку, — печка полна дров. И бересто подложено. Старается Тиханка, не забывает матери.

На суденке у огня варганит что-то бабка. Плохо слушаются руки: перезябла. Пошишится старуха в чугунке, погреет руки у огня, — ну, опять можно двигать ими.

Трещит в печке хворост. Прыгает огонек, бабке варево варит. Дремлет старуха, носом в шесток клюет.

Бурлит вода, кипятком на угли брызжет. Вынула бабка свой ужин, примостилась на свету у суденки и хлебает прямо из чугуна. Мнет мякиш беззубыми деснами, все лицо ходуном ходит. Разогрелась бабка извнутри и снаружи, думает о своем и дума ее длинная-длинная, как сама жизнь, и такая же скучная. А может, — и думы нет?

Дрова гаснут. Не хочется бабке вставать, а надо. В старинный светец лучину вставила. Трещит лучина. Синий дымок струйкой колышется, тоненьким облачком расстилается от стены до стены. Бабке и спать пора. Ходит она по избе, тычет в воздух щепотью, сама шепчет давнюю крестьянскую молитву:

— Господи, благослови мою избушку христову от самого укладного бревнышка и до черепового.

Сама лезет на печь. Лучина гаснет, длинный уголь краснеет в темноте и крючится. Отломился и чмокнул в шайку, словно крепко с водой поцеловался.

Кряхтит бабка, кашляет. Долго разбирает кучу тряпья и затихает.

На улице разыгрывается вьюга. Поет над ухом бабки труба, повторяет одно длинное слово:

— У-у-у-ш-ш-ш-ши-и-и...

Слышит бабка в чутких просонках вой, слышит скрип снега. Небось, Тиханка идет?.. Распахивается калитка, крепко звякает по дереву щеколда. В избе Тиханка мягко спрашивает:

— Матушка, ты на печи?

— Здесь я, Тиша, здесь...

— Поесть-то, поди, ничего у нас нету?

— На суденке, в чугунке. Надо бы лучину в горнушке вздуть. Погоди, слезу сейчас.

— А ты лежи, лежи! Я сам.

Видит при огне. Положены у чугунка три ломтика рядышком, мягкие, хорошие. Заглянул в корзинку, а там какие-то огрызки да мятые обломки. Качает головою Тиханка. Ломтики кладет в корзину, себе вытаскивает похуже. Обгрызанной деревянной ложкой поддевает из чугунка вялый, распаренный, как мокрая тряпка, лист капусты. А черные глаза из чугунка глядят.

— Матушка, ты не спишь?.. Я жениться хочу!

— Слышу... Не пойдет за тебя никто на такую бедность.

— Я на Чеботарихиной Маврейке.

— О?.. Ну, эта, может, пойдет. Женись, Тиша. Перед смертью хоть порадуюсь на тебя.

Крепкие зубы у Тиханки. Хлебает он „железные" щи, где „капуста за капустой бегает с пустом". За ушами трещит, на зубах корки хрупают.

Сытый свернулся на лежанке, спиною к теплой печи. Слышит сквозь сон: мать зовет. Постонет да его покличет:

— Тиша, а Тиш?..

— Что тебе, матушка?

— Как бы не помереть мне! Всю палит...

— Перезябла, что ли?.. А ты погоди хоть немножко, пока мясоед-от не прошел.

— О?.. Ну, ладно коли... Медку бы с чайком... Пропотею—еще поживу.

Побежал Тиханка за медом, вымолил кусочек. Напилась мать, к утру уснула.

Тиханка захрапел раньше.

IV

А ведь женился Тиханка... И женился по всем деревенским правилам.

Чеботариха через улицу пришла к жениху в гости и „на дом посмотреть". Провел ее Тиханка по двору, показал „живой инвентарь". Оба конягу по шее похлопали. Больше показывать было нечего, сарая с житницей еще при дедах в заводе не было.

Со двора опять в избу прошли. Чеботариха деловито осмотрела стены, словно век не видала их.

— Непырато живешь, Тиханушка!

— Сама видишь!

— Ну, проживете... Чего долго лясы точить? По рукам, что ли, и к невесте пойдем.

Ухватила жениха под руку, повела к себе. Маврейка на лавке пряла. Мать прямо с порога крикнула ей.

— Маврейка, я тебя замуж просватала! Вот он, твой суженый! — выдвинула она Тиханку вперед: — поговорите, а я пойду могарыч искать. Аршинчика четыре загоним.

Без нее нареченные совсем смутились. Тиханка понимал: надо сказать что-нибудь, неловко молчком сидеть. Придвинулся к невесте:

— Мавруша, выходи за меня. Меня к тебе сразу потянуло.

Повертела Маврейка веретеном, вскинула на Тиханку черные глаза.

— Драться не будешь?

Жениха даже пошатнуло от вопроса:

— Что ты!..

— Не дерись, Тиша... Пока у чужих росла, меня много били... Я тебя любить буду.

Героем выпрямился Тиханка. По привычке ударил по шапке ладонью и пересадил ее на самый затылок. О деле спросил:

— Только распишемся, али и венчаться будем?

Усмехнулась Маврейка глупому вопросу:

— Как хочешь... За венчанье-то, поди, нам и заплатить нечем.

Удивился жених: как же он о плате не подумал? Вот так голова у Маврейки! В восхищеньи наклонился и крепко чмокнул невесту в щеку.

Перед масленицей справил. Чеботариха разгорелась, две юбки канифасовых отдала на расходы. И загуляли. Жених играл на гребне, теща в пляс пустилась и так заковыристо подпевала себе, что всех со смеху уморила.

Разгорелся „молодой" от редкого веселья, от самогону. Пристал к жене:

— Пляши, Маврейка! Что ты иконой сидишь?

— Не умею я...

Схватил ее Тиханка за руку, вытянул из-за стола. Не пляшет „молодая". Обидно стало мужу: такое веселье, а жена упирается. Хотел подтолкнуть ее, да пьяная рука не послушалась. Звонко по спине ладонь шлепнула.

На всем скаку теща в пляске остановилась. Покачала головой:

— Эх, зятек, не с того ты козыря пошел!..

Пьяному Тиханушке — ветер в зад. Заставил тещу петь, сам — в присядку. Стол трясется, пол качается, того и гляди—старая изба на головы сядет. Наплясались досыта, полезли за стол, а Маврейки нет.

Час ждут, другой пируют, — нет Маврейки. Шебаршится Тиханка:

— Я ее отучу самовольничать!

Без молодой жены и свадьба не в радость. Пошел муж искать. На улице мороз. Месяц левую щеку над лесом выставил, красную, морозом щипанную. Заглянул Тиханка на задворки, а Маврейка в омете сидит. Петухом к ней подскочил:

— Ты чего тут зябнешь? Иди домой!

Молчит Маврейка.

— Иди домой, статуй окаянный!

Молчит.

— Тебе я говорю али омету? Замерзнешь ведь!

Слово не проронит Маврейка. Дрожит, зубы стучат, сидит в одном платьишке, только шаль сверху накинута. С омета скатился ком снега и запудрил ее с головы до ног. От дрожи струйки по шали текут. Тиханка сам озяб, стоя перед нею. Жалость взяла.

— Ну прости, Маврейка!.. Сама видишь, что пьян был, а ты уж и осерчала. Не буду больше, только пойдем.

Встала Маврейка. В избе забралась на печь, греется да молчит. Завяла и теща. Без них Тиханке веселья нет.

Утром зять с тещей опохмелились остатками. Маврейка улыбалась, у Тиханка петухи на сердце пели. И решил зять свою тещу разуважить. Запрег „живой инвентарь". Чеботариху в саночки посадил, сам на лошадь верхом сел. Конца три задали по деревне, показали себя со всех сторон. Теща в саночках поет да припрыгивает, зять на лошади подпевает. По сторонам дороги народ высыпал.

Баба от почета расчувствовалась.

— Ну, зятек, разуважил ты меня! Спасибо!.. Уделю вам немножко на прожитие, а сама в город подамся. Надоело мне здесь...

Уехала теща. А в посте мать окликнула сына с печи:

— Тиханушка, подойди-се ко мне...

Сын прыжком заскочил на лежанку. Наклонился к матери:

— Что тебе, матушка?

— Надоело мне, сынок, пластом лежать. Теперь, чай, можно мне?..

— Что — можно?..

— А умереть-то?.. Старик зовет!

Поглядел Тиханка на ввалившиеся глаза матери, на острый нос.

— Поживи, матушка, хоть до весны... Жизнь-то какая пошла!

— Полно, сынок! Какая во мне корысть? Прожила век, на тебя порадовалась, — чего еще старухе надо?

Ничего не сказал Тиханка. Постоял немножко и тихонько на пол спрыгнул. А ночью мать померла, даже не слыхал никто.

V

Бьется Тиханка на работе, а толку мало. Земли на двух едоков, хорошему хозяину на понюшку табаку не хватит, а ему на своей лошаденке в упор. Нет ничего у Тиханки, хоть пальцами полосы царапай.

„Живой инвентарь" все ниже голову гнет, даже хвостом не машет. В сенокос навалил хозяин сырой травы на телегу. Пока с горки—везла коняга, а впереди—под'ем. Нахлыстал Тиханка лошадь, чтобы веселее влетела. Все так делали, у всех выходило удачно, а у него на полдороге лошадь крякнула, простонала и повалилась на оглоблю, Не сразу понял мужик, почему так случилось. Бьет прутом, — коняга только головой мотает. Вступилась Маврейка:

— Чего ее бить?.. Она издыхает.

— Не твое дело!..

Жалко Маврейке лошадь. Подняла руки, хотела прут у мужа вырвать. Раз-

горелся Тиханка. В горячах перепоясал им жену через левое плечо, только жикнуло по кофте. А под лошадью оглобля треснула. Бросился к ней. Бьется коняга, пыль копытами загребает: кончается. Пока с лошадью возился, — Маврейка пропала.

Махнул рукой и хмуро поплелся домой. Надо лошадь закапывать. Кликнул жену, а Маврейки нет. Дома — нет, на дворе — нет, и не откликается. Плюнул Тиханка.

— Опять за свое? Приде-от...

Солнышко село — нейдет жена. Тиханка забеспокоился. Лег в сенях на сене, думал уснуть, а сон из глаз бежит. Вышел на улицу.

Коротка летняя ночь. На востоке небо заалелось. Пошел Тиханка жену искать. Бродит по задворкам, в чужие огороды через плетни заглядывает. На лугу пастух свищет, подвигает ближе табун. Подошел к нему Тиханка:

— Никакой бабы не видал ночью?

Вскинул пастух седые брови:

— Огонька нету?..

Долго хлюпал самодельной трубкой, прикрывая огонь от ветра ладонями. Затянулся, бросил, не глядя на Тиханку:

— У пруда сидит. В кустах.

Мужик направился туда. И правда, — сидит Маврейка на бережке, с'ежилась, голову в колени уткнула. Положил ей руку на плечо, а кофта от росы мокрая.

— Маврейка...

Подняла жена усталое лицо, указала мужу место рядом с собою:

— Сядь!..

Прежде, чем сесть, Тиханка набросил ей на плечи свой ватный пиджак.

— Озябла, поди.

А про себя улыбнулся радостно: разговаривает.

Маврейка крепче натянула полы пиджака.

— Я, Тиша, не сержусь... Знаю, — несчастье большое случилось, не до меня было. Как без лошади жить будем?

— Не знаю...

— Уедем, Тиша! Плохой ты крестьянин, от неудач еще больше злиться будешь. Уедем! Недавно матушка передала весточку: в Ива[illegible] ткацкие пошли. Может, попадешь...

Тиханка быстро повернулся к ней:

— Вот чудачка! Чего же ты раньше молчала? Да у меня там друзей-ей!..

— Середи лета скорее на работу попадешь. Осенью хуже...

— Так уедем, Тиша?

— А конечно... Какой я крестьянин, коли с молодых лет в ткацкой. Нет, почему ты раньше не дышала?

Улыбнулась Маврейка своим мыслям:

— К тебе приглядывалась.

— Ах, ты-ы!..

Тиханка схватил жену за плечи и крепко сжал. Маврейка в испуге рванулась. Оба упали в траву.

— Тишка, да ты взбесился, что ли? Ти-и...

Но в рот ей попали жесткие Тиханкины усы, слова сказать не дали. А когда шли домой, оба весело пересмеивались.

Через неделю Тиханка заколачивал окна. В избе Маврейка укладывала в мешки пожитки, пришивала к углам веревочки.

Последняя щель в окне закрылась доской, в избе сгустился мрак. Маврейка вынесла котомки на крыльцо.

Муж приколачивал гвоздями калитку. Ворота припер слегой, сам вылез в подворотню. На ступеньке крыльца сидела с котомками жена. Тиханка, надел маленькую на нее, другую, побольше, закинул себе за спину и зашагал впереди. Шапка его все так же победно была заломлена на затылок.

— Далеко ли пошагали? — спрашивали встречные.

— В город, на фабрику определяться! — охотно отвечал Тиханка.

— На легкие хлеба податься надумал?

— А там уж какие подойдутся...

— Ну, что ж?.. Давай бог час добрый!

Тиханка на ходу благодарил. У околицы окинул веселым взором избушки, посмотрел в последний раз на свою хату, на поля, на лес. Упрямо тряхнул головою, отвернулся и решительно шагнул вперед.

За ним молчаливо пошла Маврейка.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦИЯ

Победительница или побежденная?

Прошло всего 6 лет со времени подписания Версальского договора, которым якобы закончена была мировая война. Подписание этого договора—если верить тому, что писалось в то время продажными буржуазными газетами—явилось величайшим счастьем, если не для всех народов мира, то для тех, которые очутились в стане победителей. А между тем, спустя всего 6 лет после этого „великого события", уже чрезвычайно трудно провести грань между державами-победительницами и побежденными. В самом деле, — в числе „победителей" была и Италия. А между тем, даже фашисты,—т.-е. наиболее ярые из итальянских патриотов, которые и вовлекли Италию в кровавую войну, теперь открыто заявляют, что они оказались обманутыми в своих надеждах и что экономическое положение современной Италии — на бумаге, вышедшей из войны победительницей — ничем не отличается от тяжкого экономического положения побежденных стран. Как и до мировой войны, так и теперь, Италия, несмотря на всю огромность понесенных ею жертв, лишена угля, железа, нефти и всякого другого сырья, необходимого для развития ее промышленности.

Лучше ли обстоит дело с Францией? Никто не кричал так громко о победе, как французы: никто не превозносил так высоко, как они, своих отечественных героев, „спасших честь" Франции и осчастлививших ее навеки.

Прошло всего 6 лет, — и Франция являет собой страну, с непрекращающимися финансово-экономическим и политическим кризисами,—страну, правительство которой об'ято вечным страхом перед побежденным соседом—Германией—и на весь мир кричит о том, что Версальскому миру и установленным им границам грозят всякие опасности со стороны побежденного врага. Франция, прикрывавшая все время свои воинственные стремления тем разгромом, которым она подверглась со стороны победившей ее Германии в 1870 году и ликовавшая в 1919 году по поводу того, что ей удалось отомстить ненавистным „бошам" (пруссакам) за унижение 1870 года,— на самом деле, оказывается вновь „у разбитого корыта" и вопит устами своих официальных представителей на весь мир о том, что она ограблена, — но на этот раз уже не пруссаками, а своими собственными союзниками.

Франко-русские отношения накануне войны

Если верно, что в возникновении мировой войны исключительную роль играл германский империализм, жадно искавший, с одной стороны, новых рынков для своей гигантской промышленности, а с другой, мечтавший убить конкуренцию английских купцов и промышленников,—то теперь, с опубликованием целого ряда секретных документов, — а особенно тайной дипломатической переписки между руководителями внешней политики России и Франции, ни для кого уже больше не является секретом, что правительства обеих этих стран уже давно подготовляли войну, прямой целью которой являлись унижение и разгром Германии. Уродливый франко-русский союз, ведущий свое начало еще с первого соглашения, заключенного в 1891 году между русским царем Александром III и президентом „демократической" французской республики, был заключен именно с этой целью. В самом деле, что могло толкнуть на этот союз обе эти страны, столь различные по своему политическому строю и своей экономике? В то время соревнование между Россией и Англией в их захватнических империалистических стремлениях достигло предельной степени. К Австрии Россия также питала давнишнюю вражду, еще усугубленную соперничеством на Балканах. Австрия же в те времена была неотделима от Германии. О причинах, толкавших на войну Францию, мы уже говорили несколько выше. На самом деле, месть за унижение 1870 года и за выплаченную Германии контрибуцию в 5 миллиардов франков, далеко не была единственной причиной. Французская промышленность к тому времени достигла уже значительной высоты, но

не находила себе рынков для сбыта. Это обстоятельство и повело к усилению колониальной политики Франции. Англия и Германия заняли настолько прочную позицию в Европе, что Франция в лучшем случае могла мечтать лишь о третьем месте. Колониальное же могущество Англии—за пределами Европы было так велико, что было бы нелепо стремиться к какому-либо соперничеству с ней. Французский капитализм делал попытки к закабалению Индо-Китая, Тонкина, Аннама, Западной Африки и т. д., но все эти попытки колониальной политики редко оказывались успешными для Франции, если не считать Северной Африки, в которой Франции удалось обосноваться с значительной выгодой для себя. Остальные же попытки заканчивались обычно для нее невыгодными авантюрами и, в конце концов, повели к значительному экономическому и даже военному ослаблению Франции к началу мировой войны. Призывая французских солдат к „великой, патриотической" мести за поражение 1870 года и к прочей дребедени, французские промышленники и стоящие за ними ростовщики, на самом деле, замыслили обессилить Германию, завладев ее колониями; только таким образом, им представлялась возможность обеспечить себе второе место в Европе и заставить считаться с собой Францию за пределами Европы. Но Франция сама была слишком слаба для того, чтобы осуществить столь блестящую мечту. Ей нужен был сильный союзник, военную мощь которого она могла бы использовать для своих эгоистических целей. Такого союзника или вернее—союзницу Франция нашла в лице самодержавной России. Путь же к усилению своего влияния в России Франция нашла через своих банкиров. Самодержавное правительство нуждалось в займах. Уже в 1888 году был заключен первый заем на французской бирже в размере 500 милл. франков.[1] В течение каких-нибудь нескольких лет русское правительство задолжало Франции свыше 4 миллиардов золотых франков. Разумеется, царское правительство не стеснялось выплачивать из народных сумм огромные проценты французским ростовщикам. Но заимодавцы не ограничивались одними процентами. Им удалось получить от царского правительства концессии по сооружению ряда железных дорог, а также эксплуатацию угольных копей и рудников Донбасса и нефтяных источников на Кавказе. Таковы были для Франции немедленные выгоды, извлеченные ею из франко-русского союза.

Союз французской и российской реакции

С момента поражения Парижской Коммуны, совпавшего или вернее завершившего разгром Франции на поле битвы, реакция во Франции сделала громадные успехи. Правительство французской республики, сохранив демократические лозунги Великой французской революции 1789 года только на вывесках своих тюрем и полицейских участков [2], поставила главнейшей целью своей деятельности охрану частной собственности и укрепление буржуазного строя. Оно правильно рассчитало, что только в стране крупных и мелких ростовщиков, закоснелого мещанства и деревенских кулаков, которым во Франции принадлежит вся полнота власти, пропаганда патриотизма и священного „отомщения Германии" может иметь успех. Социалистическое движение во Франции за последние 40 лет сделало очень небольшие успехи. Франция явилась колыбелью таких патентованных предателей рабочего движения, как Мильеран, Бриан и другие, под флагом постепеновщины (реформизма) превратившихся из бывших социалистов в ярых патриотов и врагов пролетариата. Французская буржуазия, весьма слабо отбиваясь от врагов стоящих направо,—т.-е. от крайних правых, мечтающих до сих пор о восстановлении во Франции королевской власти, никогда не подвергая их суровым преследованиям,—яростно отбивалась от своих врагов налево, какими для нее являются трудящиеся массы.

Таким образом, — несмотря на различные формы правления, — официальная Россия и Франция в начале XX века, под влиянием усилившейся в обеих странах политической реакции,—единодушно подавляя всякое проявление освободительного движения со стороны трудящихся масс, — сближались между

[1] Франк до войны стоил $37^1/_2$ коп. золотом.

[2] Всюду на них сохранилась надпись—„Свобода, Равенство и Братство".

собой все больше и больше. За несколько лет до того, как вспыхнула кровавая война 1914 года, можно было с уверенностью предсказать, что **Россия и Франция выступят вместе.** Можно сказать, что заявление французского правительства, сделанное им накануне войны, а также вся жалкая и гнусная дипломатия французских социалистов, безоговорочно — за малыми исключениями—поддержавшие буржуазное правительство, побили рекорд всякого лицемерия. Все эти лжецы и фарисеи, виновные в гибели миллионов людей на полях битв, не стеснялись заявлять, что об'являя войну Германии, они воюют против реакции, ибо германская империя является в их глазах жандармом Европы. При этом они, конечно, умалчивали о своем, давно подготовленном военном союзе с Россией, которая в то время не только расправлялась самым свирепым образом с малейшим проявлением освободительного движения в собственной стране, но по-истине могла почитаться „жандармом всей вселенной“.

Ближайшие последствия мировой войны для Франции

Версальский договор, основанный целиком на насилии и безнаказанной расправе с разгромленной и беззащитной Германией, принес Франции на первых порах неисчислимые выгоды. Все, что ею—под видом восстановления отнятого у него во время войны, — не считая репараций (денежных платежей) — было ограблено у побежденной Германии на основании Версальского договора, с трудом поддается учету. Достаточно сказать, что ею забраны целиком не только Эльзас и Лотарингия (две богатейшие области) с огромнейшими залежами железной руды (в одной Лотарингии за 1918 год было добыто свыше 20 миллионов тонн железа), но и громадный Саарский угольный бассейн, давший в том же 1913 году около 20 миллионов тонн каменного угля и т. д.

В результате всех этих приобретений, Франция после военного времени все больше и больше стала превращаться из земледельческой страны в страну высоко-развитой промышленности. До того времени Франция представляла собою страну, с одной стороны среднего крестьянства, а, с другой стороны мелких капиталистов (рантье), которые не имея возможности вкладывать свои капиталы в недостаточно-развитую французскую промышленность, помещали эти капиталы в различные иностранные займы. Между тем, присоединение к Франции Лотарингии, с ее огромным запасом железной руды, превращает Францию в первую после Англии страну по количеству добываемого железа. Что касается угля, то хотя Саарские угольные копи захвачены Францией, согласно Версальского договора, лишь на 15 лет, однако, овладение ими имело громадное значение для поднятия французской промышленности. Не нужно забывать, что, кроме того, Германия обязалась доставлять в течение ближайших 20-ти лет по 7 миллионов тонн угля на льготных для Франции условиях. Наконец, богатейший угольный район Германии, всегда поставлявший самый дешевый уголь — Рурский — захвачен Францией уже 2 года тому назад под предлогом невыполнения Германией принятых на себя обязательств. Не ограничиваясь этим, в 1924 году Франция, при поддержке других союзников, захватила Кельнский район, до сих пор не очищенный ею.

Теперь уже каждому ясно, что речь шла не столько о патриотическом мщении Германии за разгром 1870 года, сколько об экономическом обессилении ее и о поднятии за счет этого обессиления французской промышленности.

И, действительно, первые годы после войны составили счастливый период в жизни Франции. Дух победы носился над страной и выражался не столько в патриотическом краснобайстве, сколько в значительном восстановлении разоренных во время войны французских областей и—главным образом,—в переходе Франции от полуземледельческой страны к стране развитой фабрично-заводской промышленности.

Переход от изнурительной войны к демобилизации промышленности и мирному строительству явился для Франции, тем же, чем для тяжко больного является передышка, наступившая в ходе его болезни. После короткого облегчения, — снова дает себя знать всеизнуряющее влияние болезни на организм.

Хищные акулы, во время войны нажившиеся на казенных подрядах и поставках, теперь потирали руки, предвкушая огромные барыши от подрядов по восстановлению раз-

рушенных областей. Огромная часть денег, отпущенная французской казной для этой цели, на самом деле, пошла не столько на постройку жилищ для бездомных крестьян и рабочих, сколько для восстановления промышленных предприятий, — преимущественно на севере Франции. Предприятия, — вместе с переходом военной промышленности на мирное положение,—выростали, как грибы после дождя. Оживились всякого рода сделки с ценными бумагами; биржа заработала во всю. Никто не тревожил французов неприятными напоминаниями о том, что никакими спекуляциями и ростовщическими сделками восстановить народное хозяйство Франции, подорванное непосильными жертвами, принесенными „богу войны", нельзя. Французы жили в приятной уверенности, что побежденный немец „за все заплатит". Нужно только, чтобы власть оставалась в крепких руках, чтобы страною правили „люди войны" провозвестники французской победы, вроде Клемансо — Пуанкарэ — Мильерана. Правда, на горизонте была туча, омрачавшая приподнятое настроение победителя. Октябрьская революция прозвучала громом среди бела дня. Для французского мещанства, доверившего большую часть своих сбережений сначала царскому правительству, а затем, Временному, она явилась непосредственным тяжким ударом. Русская революция отказывалась платить долги за царя,— но кто верил в то время в прочность октябрьских завоеваний? Остатки разбитой русской белогвардейщины, укрывшейся, главным образом, во Франции, нашептывали в ухо французскому буржуа, что русская революция „не продержится больше нескольких недель", — следовательно, все дело опять-таки в том, чтобы правительство Франции состояло из энергичных людей и непримиримых врагов коммунистической революции. Нужно, чтобы они проявили стойкость и неуступчивость в тот короткий период времени, который еще суждено продержаться у власти „большевистстским головорезам". Как только на смену ей придет прежняя царская или милюковско-морозовская Россия, — французский буржуа получит свои займы обратно со всеми причитающимися процентами.

„Правительство интервенции и войны"

Так именно родилась среди правящих кругов Франции, тесно связанных с так называемыми „деловыми кругами" (как, например, знаменитый „Синдикат владельцев металлургических предприятий", уже давно являющийся фактическим правительством Франции) мысль о необходимости сплочения всех политических партий, заинтересованных в укреплении позиций крупного капитала и непримиримой войне с трудящимся классом. Это об'единение получило название „национального блока", — и оно-то и поставило у власти в 1919 году знаменитого Пуанкарэ, которого народ окрестил кличкой „Пуанкарэ—Война",—того самого человека, который еще задолго до мировой войны, находясь в непрерывных сношениях с царским правительством, медленно, но неуклонно всей своей внешней политикой подготовлял ту кровавую баню, которая разыгралась летом 1914 года. Своей программой Пуанкарэ, попрежнему, ставил—войну—в пределах Франции и за ее пределами,— иными словами, непримиримую борьбу с революционным движением во Франции и беспощадную тактику по отношению к побежденному врагу.

То лихорадочное оживление французской промышленности, о котором говорилось выше и которое к тому же было раздуто в сильной степени заинтересованными банковскими кругами,—почти свело на-нет во Франции безработицу. Общее положение французского пролетариата сейчас же после войны значительно улучшилось. Крестьянство Франции жаждало мирного труда на своих разоренных полях, еще носивших на себе следы страшного дыхания мировой войны. Мелкая буржуазия верила в то, что сильное правительство национального блока, с одной стороны, сумеет выкачать из Германии все, что ей удалось скрыть от хищного взора победителей, а также заставить большевиков платить царские долги.

Улучшившееся экономическое положение французского рабочего в значительной мере способствовало тому, что и он легко поддавался иллюзиям „сотрудничества классов", национального об'единения и т. д. Если к этому еще прибавить глубокие разногласия, сыздавна раз'едавшие рабочее и—особенно профессиональное движение во Франции, то станет ясно, что со стороны рабочего класса национальный блок и правительство Пуанкарэ встретили лишь пассивное сопротивление. Что же касается крупной и мелкой

буржуазии, то она совершенно единодушно поддерживала империалистическую политику национального блока, стремившуюся к тому, чтобы „поставить на колени“ не только побежденную Германию, но и заставить русскую революцию сдаться на милость победителя. Вот почему за все эти годы мы не знали злейшего врага, чем ростовщическая буржуазия Франции, возглавлявшая поход „двунадесяти языков“ на революционную Россию.

Падение кабинета Пуанкарэ

Но уже к началу 1924 года сказалось банкротство воинственной политики Пуанкарэ. Прежде всего, немец не собирался платить „наличными“ за всю „разбитую посуду“ во время войны. Да какие могли быть основания у немцев торопиться с платежами, после того, как наиболее доходные промышленные области были под теми или иными благородными предлогами захвачены Францией и ее союзниками. На каждой международной конференции (Канны, Генуя, Гаага и т. д.) неизменно поднимался вопрос о неплатежеспособности Германии и о необходимости уменьшить денежные репарации. За эти годы незаметно, вокруг этого вопроса, создалась новая область науки,—вернее, целая наука о том, какими средствами выжать из немцев причитающиеся с них платежи. И только к середине 1924 года эта новая наука увенчалась открытием американского эксперта по финансовым вопросам Дауэса—так называемым „планом Дауэса“, который позволяет союзникам, наложив руки на наиболее видные статьи государственного дохода Германии (так, в свое время было поступлено по отношению к Турции), извлечь из нее в значительно все же уменьшенном размере денежные репарации. Но эта наука была сама по себе бессильна вернуть французские финансы к прежнему довоенному равновесию. Государственный бюджет Франции стал давать значительные трещины. В связи с этим, курс французского франка стал стремительно падать. (В настоящее время он стоит 10 к.,—т. е. немногим больше $^1/_4$ довоенной стоимости). Дороговизна стала бить по карману не только рабочих, но и мелкую буржуазию. Точно проснувшись от долгой спячки, французское рабочее движение стало проявлять усиленные попытки отстоять право рабочих на человеческое существование. Тем временем, капитал, убежденный в своей полной безнаказанности при правительстве Пуанкарэ и преувеличивая пассивность французских рабочих, повел открытое наступление на рабочий класс,—прибегая местами то к удлинению рабочего дня, то к уменьшению зарплаты, — несмотря на непрекращавшийся рост дороговизны. Волна забастовок прокатилась по стране, захватив в своем движении не только рабочий класс, но и мелкое и среднее чиновничество, связанное кровными узами с французским мещанством.

Тем временем,—и русская революция как будто не проявляла никакого желания признать себя побежденной и пасть на колени перед господином Пуанкарэ. Напротив, напрягши свои усилия до пределов беззаветного героизма, с трудом справляясь с голодом и всякими лишениями, выпавшими на их долю в период военного коммунизма, рабоче-крестьянские массы Советских республик беспрестанно отражали наглые нападения французских интервентов, тесно связанных с нашей отечественной контр-революцией. Устойчивость русской революции не могла не вызвать горького разочарования со стороны французского мелкого буржуа,—с нетерпением ожидавшего,—когда он сможет, наконец, получить обратно от побежденной русской революции свои сбережения вместе с процентами.

Ясно, что во всех своих финансовых мероприятиях, представлявших собою отчаянные попытки привести государственный бюджет Франции в состояние равновесия, правительство Пуанкарэ неизменно щадило буржуазию. Голоса благоразумных людей, своевременно предупреждавших о том, что Франция может справиться с государственным дефицитом, явившимся прямым результатом разорительной войны, истощившей финансы Франции, лишь путем обложения капитала, были об'явлены голосами изменников. Тем временем, франк продолжал катиться в бездну.

„Левый блок“ у власти

С каждым днем становилось все яснее банкротство политики национального блока. Хваставший твердыми нервами, Пуанкарэ

стал нервничать и стал менять слишком часто своих министров финансов. Разочарование, охватившее мелкую буржуазию после того, как ни одно из обещаний национального блока не оказалось выполненным, ускорило раскол между ней и крупной буржуазией. Людям, типа Пуанкарэ, пришлось стушеваться и уступить свое место вождям мелкой буржуазии,—выходцам из рядов национально-социалистической партии, об'единившимся на прошлогодних выборах (май 1924 года) с умеренными социалистами в, так называемый, „левый блок". В противоположность национальному блоку, левый блок, выдвинув к власти Эдуарда Эррио, обещал умиротворение, как внутри страны, так и за пределами ее. В программу правительства Эррио входили: более умеренная политика по отношению к Германии; восстановление нормальных дипломатических и экономических сношений с СССР; значительное улучшение материального положения рабочего класса. Несомненно влияние на победу левого блока во Франции имел приход к власти в Англии, так называемого, „рабочего кабинета" Макдональда. Широкие общественные круги были убеждены в том, что Пуанкарэ и Макдональд работать вместе не смогут и что неизбежные при сохранении кабинета Пуанкарэ во Франции разногласия между ней и Англией отразятся самым тяжелым образом на „общих интересах" союзников.

Немного понадобилось, однако, времени, чтобы убедиться в том, что в области **внешней политики** правительство левого блока не далеко ушло от Пуанкарэ. С одной стороны, разрабатывая на Лондонской конференции, вместе с Макдональдом, планы мирного разрешения репарационного вопроса и подписывая вместе с Макдональдом нашумевший „**женевский протокол**" (о взаимном ненападении европейских государств друг против друга и уменьшении вооружений)—Эррио целиком оставался в руках военно-реакционной лиги Франции, находившей, что Германия еще недостаточно разгромлена и унижена. Этим об'ясняется то обстоятельство, что не только занятая французскими генералами Рурская область не была очищена, но, по настоянию военных кругов, оказался занятым и упомянутый Кельнский округ. Эти события сразу подорвали в широких трудящихся массах всякое доверие к миролюбивым обещаниям Эррио. Из всех своих обещаний Эррио формально выполнил лишь одно; после долгих колебаний и проволочек он возобновил сношения с СССР. Но, очевидно, эти колебания не оставили его и после возобновления дипломатических сношений с Россией. Его лицемерное поведение, например, в истории с уведенными Врангелем русскими судами, которые он сначала обещал возвратить правительству СССР, а, **затем, не вернул**, показали, что при правительстве Эррио франко-советские отношения не получат широкого развития.

Все эти события не могли повлиять укрепляющим образом на состояние французских финансов и, естественно, Эррио был лишен возможности бросить даже те жалкие крохи „реформ" рабочим, которые были обещаны им в его первоначальной программе.

К этому времени случилось событие, повлиявшее на состояние французских финансов самым неутешительным образом. Америка, до сих пор державшаяся в стороне от европейских дел, с осени прошлого года стала проявлять значительное внимание к ним. Одновременно с сим, она поспешила выступить по отношению к своим европейским союзникам (и—в первую голову—Франции) в роли кредитора, настойчиво требующего уплаты военных долгов. Все декламации французской официальной прессы, пытавшейся подействовать на „совесть" американских банкиров упоминанием о тех бесчисленных жертвах, которые Франция понесла во время войны, оказались бессильны уменьшить настойчивость „заокеанских Шейлоков"—как их презрительно окрестила бульварная пресса Франции. Англия, почувствовавшая на себе нажим Америки, в свою очередь, пред'явила свои претензии Франции. По сравнению с той задолженностью, которую Франция считает за нами, ее собственные долги выражаются в сумме, превышающей их в несколько раз [1]. Так, одним взмахом пера нью-йоркских банкиров, Франция преврати-

---

[1] Наши долги союзникам исчисляются (в круглых цифрах): военные долги—9 миллиардов руб. золотом; довоенные—$9^1/_2$ миллиардов руб. золотом. Наши контр-претензии союзникам исчисляются в сумме 39 миллиардов руб. золотом. Франции должна Америке приблизительно такую же сумму.

лась из страны-кредитора в страну-должника, из победителя—в побежденного.

Но главное сходство программы левого блока и национального заключается в том, что Эррио, как и Пуанкарэ, не решился замахнуться на главного божка в буржуазной республике, каким являются **доходы буржуазии**. Как и Пуанкарэ, Эррио не решился прибегнуть к героическому средству обложения нетрудовых доходов. За несколько дней до своей отставки Эррио пригласил на пост министра финансов де-Монзи, который едва только успел заикнуться насчет добровольного самообложения капиталистов во имя высших интересов нации,—как слетел со своего поста, вместе с Эррио!

Обстоятельства, ускорившие гибель кабинета Эррио, заключались в том, что Эррио, желая подкрепить симпатии к левому блоку, об'явил „войну" клерикалам,—т.-е. католическому духовенству Франции, упорно цепляющемуся за светскую власть. Своим напоминанием о том, что во Франции церковь уже давно отделена от государства, а также резким разрывом с Ватиканом (римским папой), Эррио вызвал к себе острую ненависть воинствующих католиков Франции, во главе которых стоит известный фашист, генерал Кастельно, один из печальных героев мировой войны. Вокруг Кастельно группируются сейчас все реакционно-фашистские и клерикальные элементы Франции.

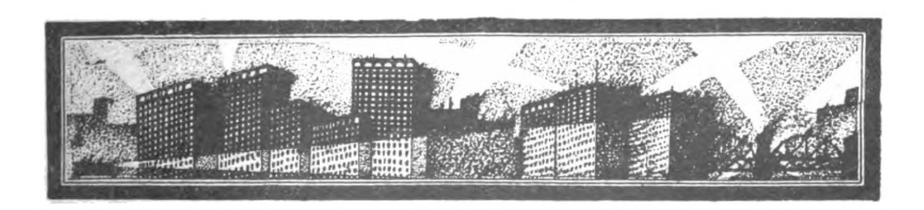
Таким образом, Эррио пал жертвой двух одновременных атак—с одной стороны, крупной буржуазии, увидевшей для себя опасность во всех этих разговорах о добровольном самообложении капитала, а с другой, клерикально-фашистских шаек, мечтающих о возврате к прошлому господству церкви и короля. Эррио, павший жертвой своей собственной половинчатости и лицемерия, всегда характеризующих политику мелкой буржуазии, разумеется, в известной мере обязан ускорением своего падения также и тому, что Макдональда у власти в Англии сменили консерваторы.

Во всяком случае, трудящиеся Франции проводят его отставку без особого сожаления; в их глазах вся разница между Пуанкарэ и Эррио заключается в том, что первый из них не давал никаких обещаний и своей политикой до конца обнаруживал классовые противоречия, отделяющие французский пролетариат от хищной и ростовщической буржуазии Франции.

Без особой радости он встречает приход к власти другого представителя мелкобуржуазного левого блока—известного математика Пенлеве, уже успевшего прославиться своим подавлением первомайских рабочих манифестаций в Париже.

По всей вероятности, судьба кабинета Пенлеве определится еще быстрее, чем это случилось с кабинетом Эррио. Рабочий класс Франции, даже в самой отсталой своей части, уже изжил те иллюзии, которые ему могли быть навеяны лицемерными болтунами из рядов левого блока. Для них Пенлеве может явиться только худшим изданием Эррио, которое, как всякое наскучившее произведение, будет быстро отброшено в сторону. Посмеет ли Пенлеве и его чрезвычайно опытный министр финансов—Кайо—посягнуть на тугую мошну разбогатевших во время войны спекулянтов и мародеров,—покажет ближайшее будущее. Но одно ясно: без этой необходимой операции финансам буржуазной Франции уже не поправиться

Г. Сандомирский

Промышленность СССР

Сельское хозяйство СССР представляет собой основное звено, становой хребет всей российской экономики. Тем не менее, не следует забывать и другого: на-ряду с земледелием, промышленность пустила глубокие корни в народо-хозяйственную жизнь всей страны.

С 90-х годов прошлого столетия Россия вовлекается в водоворот капиталистического развития и приобщается к новым, дотоле для нее неведомым формам хозяйства. Вырастают новые отрасли легкой и тяжелой индустрии; создается фабрично-заводской пролетариат; начинается железно-дорожное строительство; появляются промышленные городские очаги. За время с 1887 г. по 1897 г. стоимость всей промышленной продукции России увеличивается больше чем на 100%, при чем особенно выдвигаются отрасли, производящие не продукты потребления, а средства производства, а именно: металлическая, горная и химическая промышленность.

Но что особенно характерно для развивающегося российского капитализма, так это его бешеный темп и буйный рост, не уступающий в некоторых областях западно-европейскому масштабу.

Россия позже других европейских стран вступила в фазу промышленного капитализма, и это дало ей возможность использовать все достижения европейской техники и строить гиганты-заводы по последнему слову науки и практики.

Особенно крупные успехи и завоевания российский капитализм сделал в 900-е годы. Иностранный капитал, которому было душно в старых стенах европейского капитализма, стал искать новых точек приложения своим накопленным богатствам и пустился во всю прыть на помощь пробуждающейся, молодой, но сравнительно бедной русской буржуазии, оплодотворяя своими деньгами еще неоперившуюся промышленность царской России.

К войне 1914 года Россия становится доподлинной капиталистической страной: каменноугольная промышленность развивается с головокружительной быстротой, работающий все время на древесном угле Урал лишается пальмы первенства и уступает дорогу укрепившемуся сопернику—каменноугольному южному району (Донбасу); добыча нефти достигает высших пределов еще в начале 900-х годов; параллельно росту чугунной выплавки идет и рост производства железа и стали. Производство сельско-хозяйственных машин и орудий с 12 миллионов руб. в 1900 году, достигает 61 миллиона руб. в 1913 году. Хлопчатобумажная промышленность за эти 13 лет увеличила свою продукцию почти в $2^1/_2$ раза, шерстяная—в $1^1/_2$ раза, табачная—больше чем в 2 раза, каменноугольная—в $2^1/_4$ раза, железорудная—в 2 раза; рост железнодорожной сети за этот период вырос на 40%.

Одним словом, в империалистическую войну Россия вступила, как молодая капиталистическая страна, еще не успевшая охватить своими щупальцами всю страну, но уже пустившая глубокие корни во всю толщу народо-хозяйственной жизни. В деревне, наравне с „чумазыми“, продолжали обретаться живучие остатки помещичье-дворянского землевладения, а в городе—мелкая ремесленная и кустарная промышленность играла видную роль. Но в общей экономике страны удельный вес промышленности был очень высок, и ее значение в обще-хозяйственном балансе было довольно внушительно, как это видно из нижеследующей таблички:

Ценность всей продукции России в 1912 г.

(в золотых рублях)

Промышленность	4.451.000.000—42%	общей продукции.
Сельское хозяйство	6.117.000.000—58%	„

Если даже учесть то обстоятельство, что, по приблизительным подсчетам, на долю кустарной и ремесленной промышленности в 1912 году приходилось около $^1/_6$ всей выработки готовых продуктов, все же экономическое значение крупной промышленности не будет от этого поколеблено.

Война 1914 года и февральская революция 1917 года дезорганизовали (расстроили)

народное хозяйство страны, вообще, и подымающуюся быстрыми шагами вперед капиталистическую промышленность, в частности. Целые отрасли ее стали окончательно разваливаться, в особенности, сельско-хозяйственное машиностроение, металло-промышленность (из-за отсутствия угля), страшные потрясения стала переживать топливная промышленность; транспорт, служивший только целям войны, в недостаточной степени обслуживает нормальные нужды массовых потребителей; паровозостроение и вагоностроение переживают тяжелый кризис; по текстильной промышленности — снижение продукции (от 6 до 20%) за время войны (кроме льняной и пеньковой отраслей, обеспеченных сырьем и военными заказами).

Неимоверную разруху в хозяйственную жизнь вносит разрыв сношений с иностранными государствами, так как в значительной доле развитие русской промышленности было обязано участию иностранных капиталов — (французского, английского и германского). Прекращение притока денежных средств, некоторых орудий производства, сырьевых материалов — поставило под угрозу дальнейшее расширение российской промышленности и сузило ее производственный размах.

Особенно резкий скачок вниз обнаружила русская индустрия в 1917 году, который по справедливости считается катастрофическим этапом в судьбах промышленности государства: за один 1917 год стоимость ее продукции снизилась, по сравнению с предшествующим годом, на 36—37%. В такой же степени развал и разрушение коснулись других сторон экономики страны, изнемогавшей под непосильной тяжестью навязанной и чуждой ей империалистской войны. Транспорт оказался расшатанным до основания. Сельское хозяйство, принесшее на алтарь милитаризма несколько миллионов людей цветущего производительного возраста и потерявшее огромное количество мобилизованных лошадей, сократило посевную площадь и сжало земледельческое производство. Потоки бумажных денег наводнили Россию, и денежная система ее пришла в полное расстройство.

Хозяйственный узел запутывался, клубок всевозможных противоречий все усложнялся. Разрубить этот Гордиев узел пришлось уже рабочей революции, т.-е. Великому Октябрю 1917 года.

Победивший пролетариат могучей рукой хотел было взяться за воссоздание подорванных войной производительных сил Республики. Освободив трудящиеся массы населения от давившей их тяжести иностранных долгов, отдав помещичьи земли крестьянству, национализировав крупнейшие отрасли промышленности, Советская власть расчистила почву для оздоровления хозяйства и для восстановления промышленности.

Но Советской республике не суждено было в первые же годы выявить таящиеся в ее недрах творческие и организаторские силы. По воле врагов революции, вся республика была превращена в течение трех лет с лишним — с конца 1917 года по начало 1921 года, — в вооруженный лагерь. Организацией производства заняться было некогда. Волей-неволей пришлось большую часть материальных ценностей бросить на оборонительные цели, а не на восстановительные. Революция требовала издержек и огромных хозяйственных жертв, каковые были принесены во имя победы в гражданской войне. Но едва последняя приутихла и наступила мирная эпоха экономического развития, как пролетариат обнаружил все дремлющие в нем могучие силы и сотворил буквально чудеса, вдохнув в развалившийся хозяйственный организм страны новую, бьющую ключом жизнь.

Экономика Республики преобразилась, а вместе с ней воскресла парализованная в предыдущие годы общесоюзная промышленность.

Нижеприведенная таблица вполне подтвердит высказанное нами. С прекращением вооруженной борьбы против Советской власти, начинается полоса хозяйственного возрождения.

Из этой таблицы следует сделать следующий вывод: 1920 год — последний упадочный год нашей промышленности; с 1921 года начинается под'ем, продолжающийся с большой силой и в последующие годы. Еще недавно (в 1920 году) продукция нашей промышленности измерялась 18% по сравнению с довоенной, а к началу текущего хозяйственного года она уже измеряется 50%.

Но что особенно достойно внимания так, это значительные достижения тяжелой про-

мышленности. Дело в том, что, сейчас же после прекращения гражданской борьбы, восстановительный процесс коснулся лишь легкой индустрии, работающей на массовый рынок. В последнем же году тяжелая индустрия тоже обнаруживает значительные успехи, и ее под'ем есть факт непреложный.

Выработка основных отраслей промышленности

(В миллионах пудов)

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Добыто каменного угля	467	520	553	727	863
Добыто нефти. . .	243	246	290	325	365
Выплавлено чугуна	7	7	11,5	23,5	39,8
Произведено мартеновского металла .	10	11	22,5	43,6	60,6
Выработано хлопчатобумажной пряжи	0,825	0,935	3,56	4,1	5,9

Все же обольщаться успехами еще не приходится. Тяжелая промышленность, в особенности металлургия, отстала далеко от легкой, а по отношению к мирному времени она колеблется в пределах 20—30%. Между тем, восстановление основного капитала, оборудование фабрик и заводов находится в полной зависимости от металлической промышленности, по росту которой судят о состоянии производственного скелета всего хозяйства.

В течение текущего хозяйственного года вся продукция нашей промышленности, судя по утвержденным производственным программам и их выполнению за истекшее полугодие должна будет дойти до 65% довоенного уровня. Если не будет никаких осложнений—в виде ли стихийных бедствий, в виде ли военных столкновений, — довоенная норма сможет быть достигнута в области промышленности уже в 1927 году.

Что промышленность СССР находится под знаком роста и укрепления, показывает все возрастающая производительность труда, заметно павшая в годы гражданской войны. По данным ВСНХ, валовая выработка одного рабочего в 1921 — 22 г.г. поднялась против 1920—21 г.г. в среднем, вдвое, в 1922 —23 г.г. она увеличилась против прошлого года еще на 30%, а в 1923 — 24 г.г. она поднялась, приблизительно, еще на 15—20%.

Этот рост производительности давал возможность уменьшать издержки производства, снижать цены на промышленные изделия, делая их доступными массовому потребителю и, вместе с тем, превращать постепено убыточные отрасли промышленности в рентабельные, т.-е. доходные. Поэтому, дальше, промышленность теперь уже сходит с госбюджета, становится сама на ноги, не нуждаясь больше в дотациях, т.-е. в безвозвратных ссудах со стороны государства. Промышленность делается доходной и способной к расширению за счет своих собственных средств.

Под'ем промышленности сопровождается ростом рабочей силы, которая в годы гражданской войны в значительной степени рассосалось по деревням, а сейчас, с возрождением фабрично-заводских корпусов, снова стекается в промышленные центры (Ленинград, Москва, Иваново-Вознесенск, Донбасс, Урал и др.).

Если взять последние два года мирного хозяйственного строительства, то рост рабочей силы за этот период составит, в среднем, почти 20%: в 1922 — 23 годах число рабочих по спискам равнялось 1.081.785 чел. в 1923—24 г.г.—1.205.480 чел. (эти цифры относятся лишь к 80% фабрично-заводской промышленности). За полугодие 1924—25 г.г. (октябрь — март) рабочая сила продолжала расти. От довоенного уровня эти цифры, однако, еще далеки, ибо наличность рабочей силы сейчас немного превышает 70 — 75% нормы 1913 года.

Что касается ближайших перспектив, то они вполне положительны для индустрии Союза. Промышленность, которая имеет прочное основание для дальнейшего своего продвижения вперед. Не взирая на некоторые заминки сбыта в последние месяцы, общая кон'юнктура рынка весьма устойчива. Март и апрель м-цы 1925 г. опять оживили товарооборот и вызвали значительное расшире-

вне производства. Кроме того, потребление в Республике последние годы обнаруживает тенденцию к постепенному росту и тем раскрывает широкий простор для промышленного развития.

Нижеследующие цифры служат этому веским подтверждением.

Потребление на душу населения.

	Сахар фунт.	Соль фунт.	Спички коробка.	Хлопчатобум. ткани.	Чугун.
1921 — 1922 г. . . .	2,3	13,1	6,7	3,8	3,2
1922 — 1923 „ . . .	4,1	17,7	11,5	5,3	5
1923 — 1924 „ . . .	7,4	21	14	9,5	14

Смысл приведенных цифр заключается в том, что, благодаря расширяющемуся потреблению, перед промышленностью открывается простор для заполнения растущей рыночной емкости. Это тем более справедливо, что до сих пор крупная промышленность работала, преимущественно, на городской рынок, крестьянский же обслуживался почти исключительно мелким ремесленно-кустарным производством.

Вся задача будущего в области промышленности заключается, поэтому, в следующем: необходимо принять все меры к дальнейшему снижению издержек производства, к повышению производительности труда, к лучшей организации производства, к удешевлению продукции, к снижению цен. А тогда перед индустрией СССР откроются широкие возможности по организации крестьянского рынка и всестороннего обхвата его своей продукцией.

Л. Миляев

О засухе и борьбе с нею

От времени до времени, с промежутками от 5 до 10 лет — некоторые районы нашего Союза поражаются засухой, а как следствие засухи — недородом, неурожаем и связанным с ними голодом, со всеми сопровождающими его бедствиями.

Засухи эти иногда захватывают подряд два-три года. Всем памятен весьма тяжелый 1921 год. Неурожай этого года фактически был продолжением 1920 года, тоже весьма сухого, с очень жарким летом. Через два года наступил, хотя и в меньших размерах, недород 1924 года. Неурожай и голод посещали Россию и в отдаленные годы. Так, например, у профессора М. Боголепова в его брошюре „Наступающие возмущения климата“ приведены выписки из русских летописей XII и XIV веков об имевших место тогда в России засухах. Приведу несколько из них.

1124 г. „В се же лето бысть бездождие... Бысть суша великая и Киев мало не весь погоре“...

1363 г. „Того же лета бысть сухмень велия по всей земли и воздух куряшеся и земля горяше“.

1365 г. „Того же лета бысть сухмень и зной велик и воздух куряшеся и земля горяше, и бысть хлебная дороговь повсюду и глад велий по всей земли, и с того люди мряху“.

Таким образом засуха, со всеми ее последствиями, является у нас как бы постоянным гостем. Причина такого явления заложена в климатических условиях наших районов юга и юго-востока, но к сожалению, наиболее засушливые районы у нас являются в то же время и наиболее плодородными.

Поволжье от Саратова к югу и прилегающие районы подвергаются более всего

и чаще всего засухам. Степень засушливости зависит от количества осадков, выпадающих в виде дождя или снега на определенную площадь. Из всех метеорологических элементов — осадки являются наиболее капризными, в смысле их выпадения. Они являются непостоянными не только в пространственном отношении, т.-е. в том смысле, что иногда в двух довольно близких пунктах выпадает различное количество осадков, но и во времени — постоянно годы обильные осадками, сменяются сухими, с незначительными осадками.

По отношению к количеству выпадающих осадков, местности делят на влажные, полу-засушливые и засушливые или полупустынные. К влажным районам относятся такие, в которых годовое количество выпадающих осадков более 750 миллиметров, т.-е., если бы в таких районах осадки не проникали в почву и не испарялись или не уносились ручьями и реками, то земля за год покрылась бы слоем воды в 750 миллиметров или $^3/_4$ метра.

К полусухим относятся районы, с осадками за год от 250 до 500 миллиметров и к сухим — районы, с осадками за год менее 250 миллиметров, т.-е. менее $^1/_4$ метра.

Если мы развернем наш русский климатологический атлас, то увидим, что более 500 миллиметров осадков в год выпадает лишь в очень немногих местах, особенно благоприятно расположенных по отношению к влажным западным ветрам, или же в гористых местах, имеющих малое значение для земледелия. В Европейской части Союза — от 600 до 650 миллиметров в год выпадает на западе, на верхнем Днепре с притоками, от Киева до Смоленска; при чем район Смоленска является наиболее влажным; здесь выпадает до 650 миллиметров в год. Около 600 миллиметров выпадает в районе между Тверью, Ленинградом, Вологдой и Новгородом; около 550 миллиметров на верхней Волге, до Нижнего, на Каме и на Белой.

Большое, сравнительно, количество осадков выпадает в горной области Кавказа — до 800 миллиметров и особенно на Кавказском побережье Черного моря, открытом для морских влажных ветров и защищенном горами от сухих районов северного Кавказа. В районе Батума годовое количество осадков доходит до 2.000 миллиметров. Все же остальные районы Европейской части СССР и большей части Сибири получают в течение года от 500 до 200 миллиметров осадков, т.-е. принадлежат к сухим или полу-сухим районам. Малое количество осадков выпадает в южной полосе — на нижнем Днепре, к югу от Екатеринослава, в районе Мелитополя, Кременчуга, Херсона, Одессы и степной части Крыма, — здесь выпадает осадков всего от 400 до 300 миллиметров. Затем, после небольшой узкой полосы на нижнем Дону, начинается второй большой полузасушливый и засушливый район, в него входят почти весь район Дона, район Волги, начиная от Ульяновска и вплоть до Каспийского моря и бассейн р. Урала, т.-е. весь юго-восток Европейской части Союза. Здесь осадков за год выпадает менее 400 миллиметров. И чем далее к юго-востоку, тем все менее; на нижней Волге и на нижнем Урале выпадает за год не более 200 миллиметров. Этот район сливается далее с засушливым районом Закаспийской области и Туркестана, которые, в свою очередь, представляют лишь часть обширной сухой области, которая тянется от северной Африки, через Малую Азию, Персию, наш Закаспийский край и далее на восток, через южный Китай, почти вплоть до Тихого океана. Таким образом, наше Поволжье и юго-восток являются лишь небольшим выступом к северо-западу этой обширной полупустынной области.

Засушливый район южной полосы Союза начинается узкой полосой в Бессарабии и постепенно расширяясь к востоку, сливается с Закаспийской областью.

Что же касается других метеорологических элементов, имеющих большое значение для растительности, как тепло и солнечное сияние, то они имеются в изобилии в этом районе. Можно сказать, что наоборот, при том малом количестве влаги, какое имеется здесь, более благоприятным условием была бы, более низкая средняя температура и распределенная более равномерно по временам года.

Средняя годовая температура для отдельных пунктов, расположенных в разных условиях на юге и юго-востоке. (См. табл. 1 стр. 359).

Таким образом, температура в течение года колеблется весьма значительно. В самом холодном месяце в году, в январе, средние температуры встречаются от —3° на западе (в Одессе), до —14° на востоке района (в Уральске). В июле же температуры встречаются от +22° (в Саратове), до +25° на

ТАБЛИЦА 1

(Средние температуры округлены до целых градусов)

Наименование пунктов.	Средн. за год.	Средн. за янв.	Средн. за июль.	Колебания между янв.—июлем.
Одесса	10°	—3°	23°	26°
Екатеринослав . .	8°	—6°	23°	29°
Саратов	6°	—12°	22°	34°
Царицын	8°	—10°	24°	34°
Астрахань	9°	—8°	25°	33°
Уральск	5°	—14°	23°	37°

юго-востоке (в Астрахани); остальные пункты имеют промежуточные величины. Если сравнивать июльские температуры с январскими, то получаются очень большие колебания — от 26° в Одессе, где сказывается и близость моря и более западное положение, до 37° на крайнем юго-востоке в Уральске, где климат типичный континентальный, с очень холодными зимами и жарким летом. Благодаря такой высокой температуре, летом испарение с почвы и растений во всем районе и особенно на востоке очень велико, что особенно тяжело отражается на растительности, если принять во внимание общее небольшое количество выпадающих здесь осадков. Но помимо самого количества осадков, имеет весьма большое значение и время выпадения осадков в течение года, а также и характер выпадения летних осадков. На всем юге редко осадки выпадают в виде мелких обложных дождей, особенно летом. В это время они выпадают большей частью в виде ливней, часто сопровождаемых грозами. Кому не известно, как подчас разрушительны бывают эти ливни на юге, где много крутых склонов и оврагов: вода быстро скатывается по этим склонам, не успевая впитываться в землю и не принося, таким образом, несмотря иногда на большое ее количество, никакой пользы. Такие осадки в значительном проценте должны быть выкинуты из водного баланса этих районов. Равным образом мало приносят пользы и небольшие осадки — они очень быстро испаряются, едва лишь смочив сильно нагретую солнцем землю и не дойдя до корней растений. Опытом дознано, что осадки, выпавшие в количестве менее 3 миллиметров высоты в сутки, очень мало полезны. При выпадении осадков в 1 миллиметр — в переводе на количество ведер означает, что на одну десятину приходится 890 ведер, а при 3 миллиметрах — значит 890 × 3 = 2.670 ведер. В десятине 2.400 квадратных сажен. Следовательно, в этом случае на 1 квадратную сажень (или 4,5 кв. метра) придется лишь немногим больше одного ведра. Если бы такое количество выпадало часто, через день-два, то оно могло бы быть и полезно, но если оно выпадаст через неделю или две и при такой жаре, как указано выше, в 25° и более, то оно, конечно, бесполезно. Благодаря этому, здесь большую роль должны играть зимние осадки в виде снега. Но зимних осадков, к сожалению, вообще на территории Союза большею частью выпадает меньше летних. Так, в среднем, по всему району от Одессы до Уральска, на основании наблюдений вышеприведенных станций, получается по сезонам следующее количество осадков:

Осень.	Зима.	Весна.	Лето.	За год.
IX, X, XI.	XII, I, II.	III, IV, V.	VI, VII, VIII.	
83 мм	76 мм	72 мм	101 мм	332 мм

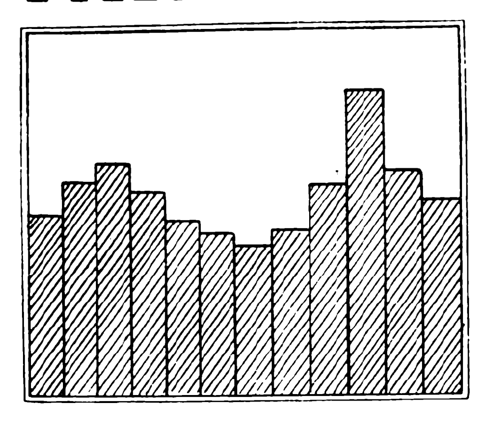
Если же взять только восточные станции района (Саратов, Уральск, Царицын и Астрахань), то получим для юго-востока еще меньшие величины:

Осень.	Зима.	Весна.	Лето.	За год.
77 мм	68 мм	60 мм	78 мм	283 мм

Таким образом в Заволжье, в среднем, за год выпадает немногим больше 280 мм. На следующем чертеже графически изображено

количество выпадающих осадков в среднем по всему району, по месяцам:

IX X XI XII I II III IV V VI VII VIII

Чертеж 1.

Наименьшее количество осадков выпадает в весенние месяцы, когда растительность особенно нуждается во время роста во влаге. Благодаря этому, приобретает весьма серьезное значение вопрос о сохранении зимней влаги. Задача сохранения в почве зимних осадков и наиболее рациональное их использование и является основной задачей так называемого **сухого земледелия**.

Сухое земледелие наиболее широко и рационально поставлено в Соединенных Штатах, именно в западной части. По климатическим условиям эта часть Северной Америки весьма близка к нашему юго-востоку и Закаспийской области. Эта область также относится к засушливым районам и там также преобладают летние осадки.

В области **борьбы с засухой** сделано очень много исследований, как в Америке, так и у нас, на наших опытных полях.

Вот главнейшие из мер борьбы, к пользе которых пришло после многих лет испытаний и опытов, одесское опытное поле.

Первая и главнейшая цель, это—увеличение количества влаги в верхнем почвенном слое. Этого можно достигнуть путем накопления воды и бережного и экономного расходования ее. Земледелец должен стараться о том, чтобы вся вода, попавшая из атмосферы на поле, впиталась возможно скорее почвой, и не скатывалась с нее. Этим условиям удовлетворяет разрыхленная и хорошо вспаханная поверхность поля. Если имеется склон, то борозды должны итти поперек склона.

По́ле должно быть полущено немедленно после уборки урожая,—по невспаханному полю значительная часть воды от ливней в конце лета и осенью сбежит по уклонам неиспользованной. Особенное внимание должно быть обращено на уничтожение сорных трав, так как последние имеют более крепкие корни, чем культурные растения, и истребляют всю атмосферную воду, которая поступает в почву после уборки урожая. Поэтому, за полем и после уборки урожая должен быть такой же тщательный уход, пропахивание, боронование, мотыжение, как и перед посевом. Этими приемами можно добиться уничтожения сорных трав и сбережения влаги в почве для культурных растений,—каждый пуд сухих сорных трав отнимает из поля 400—500 пуд. воды. Сорная трава на полях является лучшим другом засухи.

Дальнейшим способом борьбы с засухой является правильный севооборот, основанный не только на плодосмене, но и на корнесмене. Дело в том, что хлебные злаки расходуют все запасы воды в корнеобитаемом почвенном слое; с другой стороны, такие растения, как картофель, лен, тыква—не потребляют всей полезной воды в этом слое, поэтому беспрерывный посев одних только зерновых хлебов поведет к окончательному иссушению. Многие предлагают вообще в засушливых районах переходить к севу корнеплодов и кормовых растений, к тому же поздно созревающих и могущих использовать и летние осадки, в то время как для хлебных растений, созревающих рано—летние дожди пропадают неиспользованными. Наоборот, они даже мешают уборке.

На чертеже 2 дана таблица десятипольного севооборота в полевом хозяйстве сухих и пустынных областей, составленная почв.-агрон. В. П. Бушинским для Семипалатинской области.

Рисунки под таблицей настолько ясно иллюстрируют ее, что не требуется особых разъяснений.

IV

Года \ Поля	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1-ый										
2-ой										
3-й										
4-й										
5-й										
6-й										
7-й										
8-й										
9-й										
10-й										
1-й год второго 10-летия										

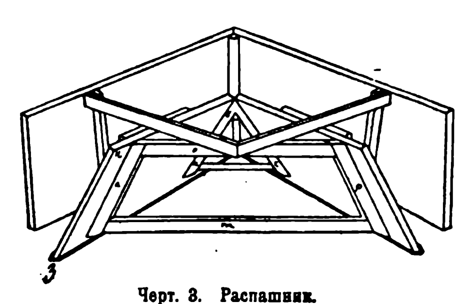
[illegible] условн. знаков

Черный пар	Яровая пшеница	Яровая рожь и просо	Люцерна, эспарцет	Люцерна эспарцет	Люцерна эспарцет	Люцерна эспарцет	Яровая пшеница	Свекла, картофель, кукуруза	Овес ячмень

3 Чэртеж.

Далее, многие являются очень горячими сторонниками увеличения влаги в почве собиранием снега на полях. Для этого существуют даже специальные распашники, при помощи которых проводят в мягком снеге зимой борозды, в которых накопляются при следующих снегопадах новые запасы снега.

Такой распашник изображен на черт. 3.

Черт. 3. Распашник.

На черт. 4 распашник изображен в действии; ясно видны получающиеся борозды. (См. стр. 363).

Сторонниками этого способа сделано много опытов, подтверждавших, что на полях с такими снегосборами урожаи получались гораздо больше, чем на соседних полях.

Вот один из результатов, полученных проф. Р. Давидом на Саратовской сельско-хозяйственной станции.

Урожай хлебов в пудах с десятины в 1920 году.

Таблица 2.

Наименование.	При снегозадержании.	Без снегозадержания.
Озимой ржи	от 104—123	70
Яровой пшеницы	„ 56—69	47
Подсолнуха	„ 91	76
Картофеля	„ 716	462
Люцернового сена	„ 194	89

Против таких снегосборов делаются следующее возражение: земля зимой промерзает на $1—1^1/_2$ аршина; в этом слое замерзает и вода, находящаяся с осени в почве и лед закупоривает поры в почве. Поэтому, при таянии снега весной вода не попадет в почву, а стечет без всякой пользы. Нельзя вообще не согласиться с таким соображением. Но едва ли оно будет верно в том случае, если снег с осени упадет на очень сухую землю, как и будет в действительности весьма часто в засушливом районе, — в таком случае вода сможет попадать в трещины и поры почвы. Во всяком случае, в сухих районах лишний снег на поле никогда не будет вредным.

Далее, для сохранения влаги в наших степных районах, необходима государственная охрана существующих рек, озер и прудов и выведение на земную поверхность новых вод. Это оживит местность и увеличит количество водяных паров в воздухе. Очень рекомендуются также древесные насаждения вдоль полей — они во-первых, задерживают снег, а во-вторых, ослабляют действие и следовательно защищают от очень вредных, сухих и жарких ветров в этих районах, так называемых, суховеев.

Среди перечисленных мер борьбы не указан наиболее рациональный способ. Это — искусственное орошение полей. Но, во-первых, оно возможно только в некоторых местностях, которые позволяют технически провести это орошение, а во-вторых, оно настолько дорого, что отдельному земледельцу не под силу. Поэтому, хотя и этот способ практикуется и у нас в Союзе, но только для особых культур, требующих особой обработки, например, в Туркестане при обработке рисовых полей или разведении хлопка. Такой способ возможен только в государственном масштабе. Все же вышеперечисленные способы борьбы вполне доступны и отдельным земледельцам, в особенности при соответственной, хорошо развитой, общественной организации.

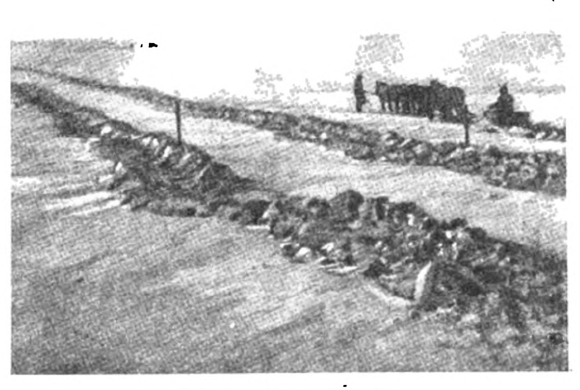
Но рядом с этими сельско-хозяйственными способами борьбы с засухой были сделаны многочисленные и разнообразные опыты — как в Европе, так и в Америке, искусственного вызывания дождя и предотвращения выпадения града при помощи стрельбы из особых мортир или путем производства больших взрывов как на земле, так и в самих тучах. Но все эти опыты дали отрицательные результаты. Поэтому, ученые стали

работать в другом направлении, и в настоящее время разрабатывается идея вызывания искусственного дождя посредством электричества.

Американцы, которые так же страдают от засухи, как и мы, первые сделали опыты искусственного осаждения облаков и вызывания искусственного дождя при помощи наэлектризованного песка. Наэлектризованный мелкий песок разбрасывался с аэроплана на облако. Пар или туман для того, чтобы сгуститься в водяную каплю, должен осаждаться либо на мельчайшие частицы пыли, которые всегда имеются в воздухе, даже и в более высоких слоях, либо на наэлектризованные распавшиеся, например, под действием радиоактивных веществ частицы воздуха.

Идея исследователей при помощи наэлектризованного песка — заключается в том, что разбрасываемые с аэроплана на облако наэлектризованные песчинки — должны послужить причиной образования вокруг каждой из них капли; в дальнейшем эти капли должны уже увеличиться, притягивая одна другую, и образовать таким образом дождь. Из Америки эти исследования перекинулись к нам, и сейчас они производятся в Москве, в аэрологической обсерватории. Пока опыты произведены только в лаборатории — наэлектризованный песок через воронку разбрасывался в ящике, в середину которого пускался пар. Через некоторое время пар осаждался, а песчинки падали на дно мокрыми, что как будто бы указывает на то, что на них осадился пар уже в виде воды. В дальнейшем предполагается вынести опыты в естественные условия и сбрасывать песок с аэроплана.

Как сбрасывание наэлектризованного песка, так и опыты с взрывам, нагреваниями и т. д. предполагают наличие облаков или, по крайней мере, достаточного количества пара в воздухе. Правда, он всегда имеется в том или ином количестве. Но дело в том, что именно во время сильной и продолжительной засухи — паров в воздухе очень мало, влажность воздуха слишком мала, и возможен случай, что если бы тем или иным путем и удалось бы сгустить на верху пар и получить облако, то дождя может и не быть, так как капли по пути к земле, вследствие жары, вновь испарялись бы и не доходили бы до земли. Самые атмосферные условия во время засухи таковы, что в воздухе мало влаги. Засухи происходят в степных сухих районах, с сухим климатом вообще, следовательно, влажный воздух должен быть занесен сюда откуда-то со стороны — у нас западными

Чет. 4. Распашка снега.

и юго-западными циклоническими ветрами. В циклонах воздух подымается вверх по спирали, и пары наверху сгущаются в облака, поэтому, циклоны всегда сопровождаются дождливой и пасмурной погодой.

Но засухи происходят как раз при обратных условиях, именно при антициклонах, которые всегда сопровождаются, особенно летом, безоблачным ясным небом; зимой — морозами, а летом безветренной жаркой погодой, или местными горячими, сухими ветрами, суховеями.

Такие суховеи на юге в течение нескольких дней губят целые сотни десятин, преждевременно высушивая еще не созревший колос. Такие антициклоны в это время обыкновенно спускаются со стороны Карского моря, вдоль Урала до юго-востока и здесь застаиваются седелями. Часто они получают поддержку со стороны западной Европы, со стороны Азорского максимума; тогда весь юг бывает захвачен обширным анти-циклоном, сопрово-

ждающимся очень жаркой погодой при почти совершенном бездождии.

Ужасная засуха 1921 года протекала именно при вышеуказанных анти циклонах, спускавшихся с севера к Уралу и юго-востоку.

Одно несчастье всегда ведет за собой другое. Сильная жара и сухость всегда сопровождаются лесными, торфяными и степными пожарами, вследствие легкой воспламеняемости от паровозных искр или брошенного окурка сухого валежника и сухой травы. Появляются сухие туманы, состоящие из тончайшей пыли и дыма; все время в такие туманы слышится запах гари. Известно также, что засушливые лета сопровождаются появлением всевозможных вредителей, начиная от ужасной саранчи и кончая полевыми мышами, сусликами и т. д.

Если припомним все приведенные выше способы борьбы с засухами, то легко заметим, что они делятся на две группы: одну можно охарактеризовать кратко, как поднятие культурности и улучшение способов обработки земли и ведения хозяйства, а другую—как научные попытки прийти на помощь земледелию путем искусственного осаждения осадков.

Вторая группа находится пока еще в зачаточном состоянии. Первая же группа вполне возможна и доступна для исполнения, и даже уже во многих местах частично осуществлена. Необходимо провести ее систематично, организованно, в плановом порядке.

Необходимо создание в засушливых районах прочного, приспособленного, промышленного хозяйства. В этой части может оказать огромную, а может быть, и решающую роль кооперация. Без помощи хорошо поставленной государственной кооперации, поставить на ноги обессиленное последними годами недородов крестьянство засушливого района—нельзя будет, крестьянин в массе своей беден. Американское сельское хозяйство опирается именно на кооперативное начало.

Помощь кооперации может проявиться разным образом. Вследствие позднего выпадения наибольшего количества осадков на юго-востоке—в июне и июле, является необходимость, как это имеет уже место во многих засушливых районах Америки, перейти на посев позднеспелых пропашных растений, как картофель, кормовая свекла, кукуруза, сорго и др., т.-е. растений, доставляющих кормовые продукты. А это, в свою очередь, вызывает необходимость в содержании скота. Такая связь хозяйства со скотоводством считается в полузасушливых районах Северной Америки необходимым условием борьбы с засухой и ее последствиями. При переходе на такое хозяйство, в нем будут получаться, главным образом, продукты скотоводства—молоко, масло, мясо и пр. Опытом уже доказано, что производство корнеплодов, например, кормовой свеклы, дает вдвое больше доходов, чем многие зерновые злаки.

Опыты полтавского опытного поля, например, привели к следующим результатам, с очевидностью доказывающим это положение.

Таблица 3.

Название растений.	Расход на дес. посева.	Чистый доход с десятины.
Овес	30 р. 70 к.	9 р. 65 к.
Гречиха	31 „ 10 „	7 „ 90 „
Горох	35 „ 80 „	7 „ 88 „
Яровая пшеница	31 „ 50 „	20 „ 11 „
Кукуруза	33 „ 60 „	27 „ 80 „
Свекла кормовая	49 „ 10 „	36 „ 52 „
Картофель	82 „ 55 „	39 „ 61 „

Таким образом, такое хозяйство надо считать не только полезным в смысле успешности борьбы с засухой, но и очень доходным. Но, несомненно, для того, чтобы такое хозяйство в засушливом районе давало доход, оно должно быть рационально и практично поставлено. И вот здесь-то на помощь может прийти кооперация. Прежде всего, необходимо освободить земледельца-крестьянина от необходимости искать, кому сбыть свои продукты. Обыкновенно, как это практикуется уже в Америке, в центре какого-нибудь района устраивается кооперативная лавка и маслобойня, с таким расчетом, чтобы

она была не дальше 12—15 километров (13—14 верст); с тем, чтобы крестьянин смог за день съездить туда, сдать свои продукты и успеть вернуться обратно. При этой же кооперативной маслобойне может быть организована почта, школа, лечебный пункт и другие общественные учреждения. Крестьянин, знающий, что сбыт продуктов для него, благодаря кооперативной лавке и маслобойне, обеспечен, что он немедлено получит и причитающуюся ему плату, будет чувствовать себя тверже, у него будет постоянный доход. С другой стороны, он привыкнет к кооперации, как к удобному и полезному общественному способу сбыта своих продуктов без каких-бы то ни было посредников. Кооперативная же маслобойня, имея 50—60 хозяев, доставляющих ей постоянно и регулярно продукты, будет сама всегда обеспечена достаточным количеством товара и сможет уже вести большие обороты, имея дальше дело уже с городом и центральными кооперативными учреждениями. Но не только в этом виде должна быть оказана помощь крестьянину кооперацией. Как видно из приведенной выше таблицы о доходе, получаемого от разных злаков, наибольший доход требует и наибольшего предварительного расхода, например, картофель, дающий 39 р. дохода с десятины, требует 82 р. предварительного расхода. Кроме того, рационально и хорошо поставленное хозяйство требует и предварительных расходов для обзаведения надлежащим инвентарем. На все это требуются средства, которых у 90% крестьян нет. И кооперация в этом отношении могла бы очень помочь. Стоимость одного только мертвого инвентаря американского сельского хозяина в засушливых районах стоит около 3.000—3.500 р., не говоря уже о постройках и живом инвентаре. Кооперация должна будет вложить в это дело некоторый капитал, откладывая получение доходов на некоторое время, т.-е. она должна сыграть роль капиталиста, которого она призвана заменить, но с той разницей, что капиталист на вложенный капитал стремится получить немедленно прибыль, а кооперация будет иметь целью создание нормальных условий жизни, а прибыль останется в руках хлеборобов. Улучшение и поднятие сельского хозяйства будет наилучшим доказательством кооперативной мощи. Едва ли кооперация принесет столько пользы городу, как она могла бы принести ее деревне. Культурная деревня,—правильно организованная кооперация,—и город создадут наилучший вид культурной и экономической смычки города с деревней. Этот путь труден, он требует много упорного и подчас неблагодарного труда и много времени, но результаты его будут положительные и прочные. Они вознаградят и за вложенный труд и вернут потраченный капитал.

Е. Мальченко

Абсолютный нуль

Кинетическая теория вещества

(Окончание [1])

Клаузиусу удалось вычислить и так называемую среднюю длину пути, т.-е. расстояние, которое успевает частица пройти по прямой линии между двумя последовательными столкновениями, и самое число столкновений, испытываемых каждой частицей, в единицу времени, т.-е. в одну секунду.

Оказывается, что при обычных условиях в воздухе, при нормальном атмосферном давлении, частицы воздуха пробегают по прямой линии не около 1.500 метров в секунду, а всего на-всего 0.0001 миллиметра, т.-е. от одного до другого столкновения *по прямой линии* успевают пройти лишь одну десятитысячную миллиметра, а затем столкновение с соседней молекулой и прямолинейный путь превращается в зигзагообразный. Отсюда ясно, что число столкновений поразительно велико. Ведь, если каждая молекула за 1 секунду все же пройдет свои сотни метров, но не по прямой, а по зигзагообразной кривой, то ясно, что число столкновений получится если мы длину зигзагообразной кривой *v* т.-е. скорости, данные Клаузиусом разделим на среднюю длину пути между двумя последовательными столкновениями. Для воздуха первая величина около 500 метров, а вторая около 0,0001 миллиметра. Другими словами каждая молекула воздуха при обычном атмосферном давлении испытывает до 5.000.000.000 столкновений в секунду.

Если газ сжат или мы имеем жидкое или твердое тело, то число столкновений чрезвычайно быстро увеличивается. Лишь при постепенном разряжении молекулы приобретают все большую и большую свободу движения, все реже и реже сталкиваются и средняя длина их пути между двумя столкновениями делается все больше и больше.

При самом крайнем достижимом сейчас разряжении столкновение делается уже редким явлением, а средняя длина пути становится очень большой величиной.

Быть может, самое любопытное это то, что при внимательном рассмотрении вопроса оказалось, что вообще частицы, находящиеся в газе, обладают совершенно различными скоростями и данные Клаузиуса представляют собою лишь статистические средние скорости. Более того, в каждый данный момент в газе присутствуют молекулы со всевозможными скоростями от самых малых до невероятно больших, но число таковых резко различно. В то время, как подавляющее большинство частиц движется со средней характерной для данного вещества при данной температуре скоростью, число очень медленных и очень быстрых частиц весьма невелико.

Все скорости теоретически возможны, но не все они практически одинаково вероятны. В этом смысле можно привести любопытную таблицу распределения скоростей.

При 0° воздуху свойственна для его молекул средняя скорость в 485 метров в секунду. Однако, как указывает нижеследующая таблица, мы найдем в воздухе одновременно частицы с самыми разнообразными скоростями.

Скорости в метрах в секунду.	Число частиц в % общ. числа.
До —100	1
100—200	8
200—300	15
300—400	20
400—500	21
500—600	17
600—700	10
свыше 700	8

Отсюда видно, что со скоростями от 200 до 700 метров в секунду движется 83% всех частиц т.-е. большинство и на все остальные самые разнообразные скорости приходится лишь 17%.

Такое представление о распределении скоростей между молекулами любопытно еще вот в каком отношении.

Современная наука давно уже считает теплоту, правильнее тепловую энергию, энер-

[1] См. „Красный Журнал для Всех“ № 5 за 1925 г.

гией движущихся частиц. Так как при нагревании скорость частиц увеличивается, то ясно, что весь запас теплоты, пошедший на нагревание, превратился в так называемую кинетическую энергию—энергию движения—молекул. Чем больше запаса теплоты в теле, тем энергичнее совершается движение частиц. Отсюда понятно, что при обратном процессе, при охлаждении тела, когда от него все более и более отнимается запас теплоты, энергия движущихся молекул тем самым все уменьшается, скорость их все убывает и, наконец, исчерпав весь тепловой остаток мы приходим к абсолютному нулю, когда нет ни теплоты, ни, следовательно, и движения молекул. Скорости их равны нулю в этот момент. Таким образом, энергия движения каждой молекулы т.-е. величина ее скорости определяет ее собственную температуру. Так как далее скорости различных частиц одного и того же вещества в каждый данный момент различны, то ясно, что и индивидуальная температура каждой частицы самая разнообразная. В газе при 0° таким образом, есть отдельные молекулы, обладающие температурою и в 1.000° и 2.000°, но зато есть и такие, температура которых и—100° и — 200° и т. д. Однако, наибольшее число частиц имеет температуру около 0°. Если бы мы могли измерить, хотя бы термометром температуру каждой отдельной молекулы—мы были бы поражены разнообразием температур одновременно присутствующих частиц. Выловивши из огромного числа молекул газа, находящегося при 0°, какую-нибудь наугад, мы могли бы обжечься, схватив молекулу имеющую 1.000°, но вероятность того, что такая частица случайно попадает в наши руки, очень мала, даже исчезающе мала. Практически наверно, мы схватим молекулу имеющую около 0°, совершенно также, как при случайном вынутии билета из количества в миллион, очень трудно попасть на желаемый номер. Не надо забывать того огромного числа молекул, которое находится в самом даже малом об'еме вещества.

Этим легко об'ясняется, почему создается, например, в газе столь постоянная в разных его местах температура. Вероятность того, что все быстрее, т.-е. горячие молекулы, скопятся в одном конце об'ема газа, а все медленные, т.-е. холодные в другом не равна, конечно, нулю, но исчезающе мала. Поэтому ясно, что пришлось бы очень долго ждать того момента, когда молекулы *сами собой* случайно распределились бы вышеупомянутым способом и термометры, находящиеся в разных местах об'ема показали бы разные температуры в силу вышеизложенной причины.

Также практически мало вероятен, но теоретически все же возможен и другой курьез. Молекулы движутся хаотически, идеально беспорядочно во всех направлениях. Конечно, возможно допустить, что в данный момент направления всех скоростей всех молекул сложатся так, что все они будут двигаться вправо, тогда возможно, что левая половина об'ема совершенно была бы лишена частиц, т.-е. являлась бы пустотой и все частицы были бы сосредоточены в правой половине. Произошло бы без всякого нашего участия разряжение газа слева и сжатие справа. Такой случай возможен, но вероятность его исчезающе мала. Ждать его пришлось бы весьма долго. Такой случай произошел бы один раз за промежуток времени, перед которым продолжительность геологических периодов, а может быть и возраст нашей звездной вселенной — величина совсем ничтожная. И все же отрицать его возможность нельзя, как нельзя отрицать возможность того, чтобы, например, имеющий пятирублевую облигацию выигрышного займа, выиграл в следующий тираж 100.000 рублей. Во всяком случае, как показывают вычисления, вероятность такого выигрыша в секстимиллионы и сентимиллионы раз большая, чем вероятность первого события, т.-е. самопроизвольного уплотнения молекул, перехода их всех из левой половины в правую.

Все эти курьезы об'ясняются невероятно большим числом молекул в каждом об'еме. Не надо забывать, что в 1 куб. см. газа молекул около 30.000.000.000.000.000.000, т.-е. 3×10^{19}. Если бы их было 2, то, конечно, каждую секунду по несколько раз случалось бы так, что бегая по об'ему в 1 куб. см. эта почтенная пара оказывалась бы то в правой, то в левой половине об'ема, оставляя другую пустой. Когда же вместо 2 в тот же 1 куб. см. мы поместим их 3×10^{19}, то вероятность интересующего нас события настолько понизится, что будет граничить с его невозможностью.

Даже, если бы в 1 куб. см находилось бы лишь 100 молекул, то и то разбираемое нами событие произошло бы наверное раз в несколько лет.

Мы переходим к изложению явлений, с несомненностью подтверждающих движение молекул, т.-е. основу кинетической теории вещества и прежде всего остановимся на знаменитом Броуновском движении.

Броуновское движение

В 1827 году, как уже было упомянуто выше, английский ботаник Броун, наблюдая в микроскоп взвешенные в жидкости частицы, заметил, что они находятся все время в весьма оживленном и совершенно беспорядочном движении. Такое движение тем энергичнее, чем меньше частицы. С частицами, диаметр которых превышает 0,0004 см., оно совсем прекращается. Такие движущиеся частицы идут то сюда, то туда, вертятся, поднимаются кверху, опускаются, снова идут кверху, нисколько не стремясь к покою.

Жигмонди так описывает это явление: „это сплошное прыганье, танцы, скакание, столкновения и разлетания, так что трудно разобраться во всей этой путанице“.

С тех пор в честь ученого, впервые подметившего это явление, оно было названо Броуновским движением.

Это замечательное открытие, как нередко бывало в истории науки, в свое время даже привлекало к себе мало внимания.

Многие физики, не придавая ему много значения, сопоставляли его с движением пылинок, которые как бы танцуют в солнечном луче, как это видно простым глазом, под действием токов воздуха, происходящих от небольших неравенств температуры и давления. Однако, нельзя не заметить при внимательном изучении этого последнего явления, что здесь соседние частички пыли движутся все в одном направлении и в общих чертах как бы рисуют нам форму этих воздушных потоков. Напротив, если наблюдать, хотя несколько минут, Броуновское движение, то нельзя не заметить, что движения двух частичек совершенно независимы друг от друга, даже когда они подходят друг к другу на расстояние меньше чем их диаметр.

Тщетными оказались попытки об'яснить это движение колебаниями самого стекла, на котором находится наблюдаемая в микроскоп капелька со взвешенными движущимися частицами. Броуновское движение обнаруживается одинаково, как при наблюдении на неподвижной подставке ночью, в деревне, так и днем в городе, на столе, который беспрестанно трясется, отзываясь на движение тяжелых экипажей. Недостигнем мы прекращения этого движения ни тщательным установлением постоянства температуры, ни изменением интенсивности освещающего света, ни переменой его цвета.

Описанное явление наблюдается не только в воде, но и в других жидкостях, при чем движение это будет тем оживленнее, чем меньше вязкость этих жидкостей. Например, в глицерине, вязкость которого очень велика, Броуновское движение едва заметно.

Как уже было упомянуто, движение в высокой степени зависит от величины зернышек взвешенного в жидкости вещества. Что же касается природы частичек, то она совершенно не влияет на характер движения. Два зернышка движутся в одной и той же жидкости совершенно одинаково, если они одинаковой величины; ни род вещества, ни плотность не играют здесь никакой роли.

Особенно замечательно, что Броуновское движение никогда не останавливается. Внутри закрытого со всех сторон сосуда, его можно наблюдать днями, месяцами, годами. Оно обнаруживается в жидких включениях, встречающихся в кварце, которым тысячи лет. Оно вечно и самопроизвольно.

Все эти обстоятельства, позже открытые, побудили внимательнее и серьезнее отнестись к Броуновскому движению и глубже его изучить. Уже Винер в 1863 году, хотя несколько-еще туманно и неопределенно высказывается об этом явлении так: „Это движение не может иметь причин ни в самих частичках, ни во внешних воздействиях на жидкость, а должно быть отнесено на счет внутренних движений, характерных для жидкого состояния“.

Лишь впоследствии, когда центр внимания был обращен на тот факт, что лишь малые частицы обнаруживают Броуновское движение и при том обнаруживают тем резче, чем они меньше — удалось об'яснить это движение непосредственным воздействием молекул жидкости на взвешенную частицу, которая таким образом является, как бы посредником связывающим нас с миром молекул и позволяющим нашим слабым и несовершенным чувствам уловить тонкие и слабые движения незримых мельчайших молекул.

Итак, почему же в самом деле Броуновское движение обнаруживается лишь с малыми взвешенными частицами? Не очень маленькое тело, находящееся в жидкости в подвешенном

состоянии подвергается одновременно миллионам и миллиардам ударов молекул со всех сторон, и все эти удары взаимно уравновешиваясь, не могут вызвать заметного движения тела. Слишком много их и притом много со всех сторон. Большие частицы, таким образом, беспрерывно и со всех сторон подвергаются бесконечным толкам, которые взаимно уничтожаются, так что частица не приобретает движения ни в одном направлении.

В случае же частиц меньших размеров все чаще и чаще можно наблюдать перевес толчков со стороны молекул жидкости, то с одной, то с другой стороны, вследствие чего частицы приобретают маятникообразные движения. Частица, взвешенная в жидкости, начинает летать под ударами встречных молекул из стороны в сторону, совершенно подобно тому, как летает по полю футбольный мяч от ударов ног игроков. При дальнейшем уменьшении взвешенных частиц движение все ускоряется, оно переходит в мелькание, которое становится тем быстрее, чем больше вес частиц приближается к весу молекул.

Перрен, который много и долго исследовал броуновское движение, дал интереснейший рисунок, который мы здесь воспроизводим (см. рис. 1).

На этом рисунке изображены пути трех частиц с диаметром приблизительно в одну тысячную миллиметра. Отмечены точками положения частиц через каждые 30 секунд и эти положения соединены прямыми линиями. Было бы, конечно, ошибочно думать, что частица в течение 30 секунд двигалась действительно по прямой линии. Истинный путь был несравненно сложнее. Каждый прямой отрезок следовало бы заменить сложною ломаною линией, части которой, в свою очередь состоят из мелких зигзагов, соответствующих колебаниям частицы.

Таково с точки зрения кинетической теории об'яснение всех деталей броуновского движения.

Блестящий триумф ожидал эту теорию, а вместе с тем и вообще наши молекулярные воззрения на строение вещества, когда Эйнштейн подошел со всей мощностью математического анализа к предсказанию всех законов броуновского движения, исходя из гипотезы молекулярных ударов.

Теория позволила, зная массу и скорость взвешенных, хотя и малых, но прекрасно видимых в микроскоп частиц — определить массу и среднюю скорость уже совершенно незримых бесконечно малых ударяющихся частиц молекул. При этом получились числа весьма близкие к тем, которые были получены

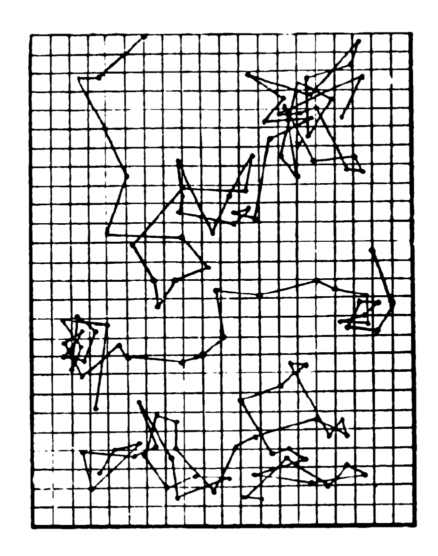

Рис. 1. Броуновское движение.

Клаузиусом и его последователями совсем иным путем из общих соображений о природе газа и составляющих его молекул. И когда масса, например, молекулы воды получается одной и той же, выводим ли мы ее из опытов над броуновским движением или определяем на основании свойств водяных паров, то это не может быть случайностью. Нет сомнения в том, что броуновское движение не только способно убедить нас в реальном существовании атомов и молекул, но и неопровержимо доказывает, что молекулы эти находятся в постоянном тепловом движении, т.-е. оправдывает всю нашу современную теорию о природе теплоты, как движения мельчайших частиц молекул, составляющих тело. С этой точки зрения молекулярно-кинетическая теория давно перестала быть простой гипотезой, окончательно превратившись в несомненную реальную действительность.

Броуновское движение приобретает огромнейшее значение еще в связи с так назы-

ваемым принципом Карно, составляющим сущность второго начала термодинамики.

Коснемся, хотя бы вкратце, этого интереснейшего вопроса.

Мир управляется немногими основными законами, среди которых важное и почетное место занимают два начала термодинамики. Первое начало термодинамики есть ничто иное, как общеизвестный закон сохранения энергии, указывающий на то, что энергия не исчезает и не образуется вновь, что она вечна, что она может переходить из одного вида в эквивалентное (равноценное) количество другого вида, что работа не может происходить из ничего, что работа всегда происходит за счет затраты энергии, что такая машина, которая бы производила работу без затраты энергии из ничего и которая называется perpetuum mobile (перпетуум мобиле) первого рода, т.-е. вечное движение — невозможна, сколько бы не находилось любителей, тратящих свое время, силы и средства на изобретения вечных и даровых двигателей. Увлечение возможностью такого изобретения еще упорнее засело в мозгу человечества, чем знаменитые идеи алхимиков. И если в настоящий момент „мудрые“ эксперименты с философским камнем алхимиков, долженствующим превращать всякую дрянь в золото, окончательно прекратились, то поиски перпетуум мобиле все еще продолжаются, и до сих пор учреждения, регистрирующие новые изобретения, получают такие проекты, хотя давно их перестали рассматривать.

Второе начало термодинамики более сложно. Оно говорит, что и так называемое perpetuum mobile второго рода также невозможно. Дело в том, что когда исследователи и изобретатели отчаялись получить работу из ничего, они стали более глубокомысленны и остроумны. Они решили так: положим из ничего нельзя получить работу, для работы нужна затрата энергии. Пусть так. Но ведь вокруг нас непочатый угол даровой энергии. Известно, что теплота может переходить в работу и это никаким началом термодинамики не противоречит. Давайте же воспользуемся огромными неисчерпаемыми запасами теплоты, которые находятся в воздухе, в земной коре, в воде рек, озер, морей и океанов. Охлаждая окружающую нас среду хотя бы на несколько градусов, мы сможем черпать несметные количества тепловой энергии, которую далее уже в строгом согласии с первым началом термодинамики, с законом сохранения энергии, будем превращать в полезную нам работу. Хитро сказано. Мы смогли бы построить, таким образом, опять попросту даровой двигатель, который и есть perpetuum mobile второго рода. Такой двигатель не расходился бы с законом сохранения энергии, он совершал бы свою работу за счет имеющихся запасов тепловой энергии и, конечно, сулил бы человечеству наступление по-истине золотого века. Такая машина позволила бы, например, приводить в движение корабль при охлаждении морской воды, заставляла бы двигаться при охлаждении окружающего воздуха аэропланы за счет извлекаемой при этом тепловой энергии.

Можно было бы даже подумать, что такая машина т.-е. perpetuum mobile второго рода, еще не построена просто вследствие того, что не нашлось еще достаточно остроумного изобретателя. Но пробьет час и для этого изобретения и осчастливленное человечество помчится по океанским волнам за счет их теплоты и полетит за облака за счет извлекаемой из воздуха тепловой энергии.

Второе начало термодинамики властно, неумолимо и с суровым хладнокровием ставит точку всем этим красивым мечтам и фантазиям. Оно говорит, что perpetuum mobile второго рода, т.-е. описанная нами заманчивая и в высшей степени полезная машина столь же невозможна, как и пресловутый вечный двигатель, дающий работу из ничего. Знаменитый Виллиам Томсон еще в 1851 году так формулировал это второе начало: „Невозможно получить работу от какой-либо части материи, охлаждая ее ниже температуры наиболее холодного из окружающих тел“. Это значит, что нельзя устроить в среде, где все тела находятся при одной и той же температуре такого приспособления, которое могло бы превратить в работу тепловую энергию среды, вызывая ее охлаждение. Это-то, к сожалению, и приводит к бесславному концу все заманчивые попытки построить perpetuum mobile второго рода.

При чем же, однако, тут броуновское движение? А вот при чем. Наблюдая движение взвешенных в жидкости частиц во время броуновского движения, нетрудно заметить, что в известные моменты и не так уже редко эти частицы под влиянием неодинаковых ударов молекул, именно под влиянием большого числа толчков снизу вверх, чем сверху

вниз—поднимаются, как бы сами собою вверх, превращая, таким образом, в работу часть теплоты окружающей среды, то-есть совершая как раз то, что считает абсолютно невозможным второе начало термодинамики. Допустим, что мы являемся существами размеров примерно, с бактерии — тогда мы смогли бы удержать взвешенную частицу на достигнутом ею уровне и такая частица была бы сравнимого с нами размера. Мы не затратили бы труда на ее поднятие и могли бы, таким образом, захватывая и собирая эти крупинки, как строительный метериал, построить из них хотя бы целое жилище, не затрачивая работы на подцятие материала.

Какое же, однако, практическое значение могут иметь эти несомненно наблюдающиеся случая бесконечно малых отклонений от абсолютной истины второго начала?

Не надо забывать, что броуновское движение быстро угасает с ростом взвешенных частиц, по той простой причине, что всякая заметная по своей величине частица в каждый данный момент со всех сторон испытывает равное количество ударов молекул, которые, таким образом, взаимно уничтожаются и частица остается на месте. Вероятность того, что случайно в данный момент с одной стороны молекулы дадут гораздо большее число толчков, чем с другой и частица двинется в направлении этих толчков — чрезвычайно мала в виду несметного количества молекул, окружающих значительную по величине частицу, и идеального хаоса — беспорядка в распределении направлений их скоростей. Однако, считать такой случай правильного движения даже заметной частицы под влиянием неравномерных ударов молекул—абсолютно невозможным нельзя. Теоретически он может случиться, но произойдет как говорят, „в кои веки раз“.

Возьмем такой резкий пример. Положим, в воздухе подвешено на веревке бревно. Может оно само собой подняться на высоту второго этажа? Странный вопрос. Таких вещей, чтобы бревна сами собой подымались вверх, никто не видел. И тем не менее, *теоретически* такой случай не абсолютно невозможен, зато заранее известно, что он чрезвычайно мало вероятен.

Дело в том, что когда такое бревно висит на веревке в воздухе, на него со всех сторон налетает несметное количество молекул. Все они непрерывно его бомбардируют, со всех сторон совершенно равномерно его толкают. Ни с одной стороны не образуется преимущественного толчка опять-таки в виду огромного числа молекул, и при этом идеально беспорядочно двигающихся. Допустим на момент, что все молекулы точно сговорившись двинулись все сразу снизу вверх, тогда ясно, что под влиянием такого толчка снизу вверх бревно, поддерживаемое ударами молекул, поплывет само собою вверх. Такой случай теоретически может быть; для этого надо только, чтобы идеально-беспорядочное движение молекул сразу само собой случайно упорядочилось бы. Вероятность этого случая бесконечно мала.

Математика нам говорит, что это событие, т.-е. *случайное* совпадение направления всех скоростей движения молекул, может произойти раз в $10^{10^{10}}$ число лет. Это число можно написать так $10^{10.000.000.000}$, т.-е. 10 в десятимиллиардной степени, т.-е. 1 с десятью миллиардами нулей. Если бы это число лет написать на бумажной ленте очень мелко, тратя на каждый нуль только 1 м.м., то и тогда получилась бы лента длиною почти в диаметр земли. Так вот за такой промежуток времени, перед которым снова бледнеют все геологические периоды, бледнеет даже и возраст нашей звездной вселенной — раз могло бы произойти „чудо“—бревно само собой поднялось бы, подталкиваемое молекулами на высоту второго этажа и всякий, кто решил бы пожертвовать своим временем и ждать столько времени это чудо, имел бы шанс его увидеть. Для такой малой вероятности можно привести и такой не менее красочный пример. Положим в какие-нибудь помещения мы посадили бы тысячу обозьян и каждой дали бы по пишущей машинке, на которой они стали бы совершенно беспорядочно выстукивать отдельные буквы. Мы стали бы регистрировать эти буквы в порядке их выстукивания. Собрали бы все буквы вместе и вдруг увидели бы, что *случайно* из этих букв составился бы первый том „Капитала“ Маркса. Так вот вероятность этого события такая же, как вероятность того, что бревно само собой подымется на второй этаж строющегося дома под влиянием ударов молекул. Отсюда ясно, что было бы не вполне благоразумно рассчитывать на броуновское движение, как на средство поднимать бревна во время постройки дома.

4*

Таким образом в пределах обычной нашей жизни отступления от принципа Карно, от второго начала термодинамики столь исчезающе малы, имеют столь неуловимо ничтожную вероятность, что, конечно, он является если и не абсолютно верным и истинным, то, во всяком случае, практически достоверным, имеющим наибольшую вообразимую вероятность.

Рис. 2. Опыты Штерна.

Опыты Штерна

После броуновского движения, мы рассмотрим еще одно и быть-может еще более непосредственное доказательство движения молекул, данное недавно (1920 год) в работе Штерна.

В сильно разряженное пространство помещалась платиновая проволока *A*, окруженная двумя цилиндрами, которые на рисунке 2 изображены в разрезе, в виде концентрических кругов.

Проволока сверху покрыта слоем серебра. Если проволоку раскалить электрическим током, серебро сперва плавится, а затем испаряется.

Образовавшиеся молекулы летят во все стороны по радиусам цилиндра. Через отверстие *O* первого цилиндра часть молекул вылетает в пространство между первым и вторым и, продолжая путь далее, отлагается на холодном первом цилиндре, в виде металлического зеркала в точке *m*. После того, как зеркало отложилось, весь прибор (оба цилиндра) приводят в быстрое вращение с заранее известной скоростью. Тогда молекулы будут ударять уже не в точку *m*, а в *n*., так как пока каждая частица пролетает расстояние между цилиндрами, весь прибор успевает повернуться на дугу *mn*. Таким образом пятно и получается смещенным. Несомненно, что расстояние *mn* будет во столько раз больше или меньше расстояния *om*, во сколько скорость вращения прибора *v* больше или меньше скорости молекул серебра *v*, т.-е.,

$$mn : om = v : V$$

Зная скорость вращения прибора *v*, и измерив величины смещения зеркала *mn* и расстояния между цилиндрами *om* — можно вычислить скорость молекул серебра. Опыты дали хорошее совпадение с результатами теории. Так, шаг за шагом подтверждаются идеи кинетической теории, быть может, на первый взгляд кажущиеся столь странными и маловероятными.

Борьба за абсолютный нуль

Как уже неоднократно указывалось, скорость молекул определяется температурой и, в свою очередь, температура определяется скоростью молекул.

Возрастание температуры имеет следствием ускорение частиц, понижение температуры— вызывает уменьшение их скорости.

И если для возрастания скорости частиц молекул практически предела не существует, то, само собой разумеется, того же нельзя сказат про нижний предел скоростей. Здесь

предел ясен — остановка движения, полное его прекращение. Теория давно предсказала, что этот предел должен наступить при — 273° по Цельзию, т.-е. при той температуре, которую мы назвали абсолютным нулем.

Действительно, еще задолго до возникновения кинетической теории, было известно, что упругость газа, т.-е. то давление, которое газ производит на стенки сосуда, при понижении температуры падает. Если об'ем газа сохраняет постоянную величину, то понижение температуры от 0° до — 1° вызывает уменьшение упругости на 1/273 ее величины. Ясно, что если бы мы понизили температуру газа на 273°, т.-е. пришли бы к абсолютному нулю, то упругость сделалась бы равной нулю. Как легко и изящно об'ясняет этот факт кинетическая теория. В самом деле, если упругость газа, его давление на стенки, происходит от ударов молекул о стенки, то ясно, что эти удары исчезнут, а вместе с тем исчезнет и упругость давления, если частицы остановятся, т.-е. если их скорость сделается равной нулю. А это и должно случиться при — 273°. Что же это за абсолютный нуль температуры, достигнут ли он и если не достигнут, то где мы сейчас находимся,—далеко или близко—на пути к этой таинственной точке.

Самые холодные области на земном шаре, как известно, лежат в Сибири и в Канаде и самые низкие температуры, как рекордные, зарегистрированы метеорологическими наблюдениями. Они не ниже 70° по Цельсию. Однако, уже давно при постепенном ожижении и затвердевании ряда газов, наука сумела получать все более и более низкие температуры. Так был получен твердый хлор, при —102°, затем настала очередь воздуха. Он в жидком состоянии дает — 190°. Далее шаг за шагом наука и техника отвоевывала у природы позицию за позицией и сейчас не такая уже большая редкость — жидкий водород при температуре — 258°.

И, наконец, в сравнительно последнее время, в лаборатории Каммерлинг Оннеса в Лейделе (Голландия) достигнута самая низкая сейчас температура — 272,2°, при которой самый стойкий из газов, гелий, уже сгущен в жидкость, но еще не превратился в твердое состояние. Таким образом, с чисто внешней стороны, мы уже почти подошли к обсолютному нулю. Казалось бы нечего много и говорить о каких-нибудь $^4/_5$°, которые лежат на пути к завершению победы.

Однако, трудно представить непосвященному читателю, какие колоссальные, даже едва ли, преодолимые трудности скрываются в этих ничтожных $^4/_5$°. Дело в том, что сперва на этом пути с легкостью брались целые десятки градусов. Затем пришлось бороться с тою же затратой энергии уже за каждый градус — так возрастали трудности по мере углубления в область низких температур. Дошли до жидкого водорода, до температуры в—250° и тут борьба разгорелась. Упорство природы, отчаянно скрывающей свою тайну — загадочный абсолютный нуль, все возрастает. И каждая десятая градуса здесь дается уже с тем же трудом, как раньше целые градусы.

И, наконец, сейчас, когда мы уже почти вплотную подошли к желанной цели — каждая сотая градуса отвоевывается с такой затратой энергии, что по-истине чувствуется, что мы подходим к непроницаемой сплошной стене, что мы постепенно упираемся в тупик— дальше которого пути нет. Оно и понятно, ведь мы приближаемся не к какой-нибудь воображаемой случайной температуре — мы приблизились к совсем особенной точке — к абсолютному нулю температуры, ниже которого нет ничего, большего холода не существует. Здесь конец всему, остановка этого вечного неугомонного движения молекул, царство вечного мрака и холода, полная смерть материи, — естественный предел всякого движения вперед.

Физика низких температур

Итак, мы колоссальной борьбой достигли почти цели. Что же представляют собою окружающие нас тела при этой низкой температуре, как изменяются происходящие вокруг нас явления, будучи перенесены в эту область вечного холода?

Что остается во всех свойствах тел старого, что появляется нового?

Эта же лаборатория в Лейделе уже десятки лет изучает физические явления при низких температурах, создав своеобразный отдел науки — физику низких температур.

При постепенном понижении температуры почти все явления природы начинают протекать иначе. Влияние температуры заметно почти на всех явлениях и, быть может, лишь наиболее глубокие превращения вещества, совершающиеся в таинственной глубине атомов — радиоактивные процессы, единствен-

ные, для которых все наши температурные изменения остаются без влияния.

Прежде всего понижение температуры обычно влияет на скорость химических реакций, все более их замедляя и в конце концов прекращая.

В минувшие годы, когда температура наших лабораторий, вследствие топливного кризиса, была низка, многие с удивлением замечали это ослабление скорости реакций.

Так всегда бурная реакция действия серной кислоты на цинк с выделением водорода поддалась действию минувшей разрухи и протекала весьма лениво.

При дальнейшем понижении температуры можно заметить, что при 80° совершенно прекращается уже действие серной кислоты на едкий натр. При 110° серная и соляная кислоты перестают окрашивать в красный цвет синюю лакмусовую бумажку, а при 135° прекращаются уже почти все реакции.

При температуре жидкого воздуха, т.-е. при температуре 190° наступают уже чрезвычайно курьезные явления.

Прежде всего, резина становится хрупкой, как стекло. Резиновые трубочки ломаются при гнутии, резиновые мячики разлетаются в мелкие куски при ударе, как фарфоровые. Тлеющая лучина при погружении в жидкий воздух не гаснет, а ярко вспыхивает. Вата, пропитанная жидким воздухом, воспламеняется со взрывом, как пироксилин. Спирт давно уже тверд, а ртуть настолько замерзает, что можно успеть выковать из нее гвоздь и забить в доску, прежде чем она оттает. Свинцовый колокольчик звенит, как серебряный.

Самый жидкий воздух, попадая на воду, разбегается такими же капельками — шариками, как вода на раскаленной плите. Для жидкого воздуха поверхность воды является ярко до-красна раскаленной поверхностью плиты.

Если эти опыты, в настоящий момент обычно демонстрируемые на лекциях, потеряли свой научный интерес, то те опыты, которые сейчас производятся при очень низких температурах при жидком водороде и гелии, имеют огромное научное значение.

Остановимся на нескольких примерах. Уже давно было известно, что сопротивление металлических проводников прохождению электрического тока возрастает при повышении температуры и наоборот, уменьшается при ее понижении. При этом закон убывания сопротивления с уменьшением температуры таков, что можно было ожидать, что по мере приближения к абсолютному нулю величина сопротивления будет также стремиться к нулю, т.-е. электрический ток, не встречая при своем прохождении сопротивления, раз начавшись, будет уже дальше вечно двигаться.

И хотя мы еще не достигли обсолютного нуля, но было бы крайне интересно проследить эти явления вообще при самых низких достижимых сейчас температурах. Оказалось, что действительно, такое резкое падение сопротивления со всеми проистекающими отсюда последствиями имеет место.

В этом отношении чрезвычайно любопытным является опыт Намерлинг-Оннеса. Была погружена в жидкий гелий (—272°) свинцовая спираль в 1.000 витков, толщиною в 0,1 мм. и длиною в 1 км. Далее в этой спирали, при помощи электромагнита, возбуждался индукционный ток. Такой ток мгновенно обежав спираль, столь же быстро и исчезает. Здесь же, в виду отсутствия сопротивлёния, он продолжал циркулировать целые часы.

Не меньший интерес в связи с загадкой зарождения жизни на нашей планете, имеют опыты над жизнеспособностью семян и организмов, подвергнутых действию столь низких температур.

Дело в том, что вопрос о возникновении жизни на земле, до сих пор содержит в себе много неясного и считаться окончательно решенным не может. Наибольшею достоверностью пользуется теория заноса зародышей живых организмов на землю с какого-нибудь иного мира. Такая теория встречала много затруднений, но все они шаг за шагом постепенно разрешались, если и не вполне, то хотя бы отчасти. Прежде всего возникал вопрос о том, какие силы и обстоятельства могут заставить живые зародыши покинуть пределы атмосферы какой-нибудь планеты и унестись в междупланетное пространство. По мнению Беккереля, главную роль здесь, повидимому, играют вулканы, выбрасывающие при извержении пыль на высоту в десять километров. Вместе с такой пылью могут увлекаться и мельчайшие зародыши, например, споры растений. Поднявшись на такую огромную высоту, эти зародыши все меньше и меньше станут чувствовать силу тяжести и, наоборот, все рельефнее начнет сказываться

влияние светового давления, экспериментально доказанного московским профессором Лебедевым. Под влиянием этого светового давления, при известных условиях могущего по величине превзойти величину силы тяжести, зародыши могут умчаться в мировое пространство и начать долгое странствование, пока случай не натолкнет их на какую-нибудь другую планету.

С этой стороны, в смысле механического переноса зародышей с одного небесного тела на другое, вопрос обстоит довольно гладко. Гораздо труднее об'яснить другое обстоятельство. Прежде, ведь, чем из одной атмосферы попасть зародышам в другую атмосферу, им надо совершить длинный путь в междупланетном абсолютно пустом пространстве, а такое пространство, совершенно лишенное движущихся молекул, должно иметь как раз температуру абсолютного нуля, т.-е.—273°. Возникает вопрос, может ли при этом сохраниться жизнеспособность зародышей? Ясно, какой огромный интерес приобретают соответствующие биологические опыты Беккереля и других ученых при очень низких температурах.

Так, например, держали 80 часов в жидком водороде, т.-е. при — 253° семена пшеницы, люцерны и горчицы и тем не менее их способность к прорастанию сохранялась.

В последнее время, эти опыты были расширены и углублены, будучи распространены на ряд низших животных. Оказалось, что некоторые представители этого класса живых существ оставались при температуре жидкого гелия (почти при абсолютном нуле) целые 20 месяцев и тем не менее сохраняли способность возвращаться к жизни.

В заключение следует упомянуть о спектроскопических исследованиях при очень низких температурах, давших ключ к решению давнишней загадки—тайны полярных сияний. Дело в том, что это столь хорошо известное в полярных странах явление до последнего времени содержало в себе много таинственного и неясного. Уже сравнительно давно ученые перестали спорить о сущности полярных сияний, признав, что они представляют собою свечения разряженных газов в самых верхних слоях атмосферы на высоте 70 — 200 км. под влиянием потока катодных лучей, испускаемых солнцем.

Однако, исследование спектра полярных сияний лишь отчасти подтвердило такую теорию.

Действительно, на - ряду с несомненными характерными линиями азота в спектре полярных сияний были замечены совершенно особенные и притом, яркие линии, не встречающиеся ни в каком до сих пор известном химическом элементе. Возникло даже предположение о новом элементе, которому дано было название „геокороний", но для которого не оказалось места в известной периодической системе Менделеева. Загадка продолжала оставаться неразгаданной, пока в самое последнее время норвежский ученый Вегард не занялся исследованием спектра твердого азота при температуре — 240°, заставляя его светиться под влиянием потока быстро несущихся электронов, т.-е. подвергая его действию тех же катодных лучей. Эти исследования привели к поразительному результату: спектр, испускаемый светящимся твердым азотом, как раз заключал в себе эти таинственные линии, приписанные раньше гипотетическому и мало вероятному веществу геокоронию. Таким образом, теория Вегард допускает существование в верхних слоях атмосферы тончайшей и крайне разряженной пыли, представляющей мельчайшие частицы твердого азота, и таким образом, может дать исчерпывающее об'яснение всем особенностям полярного сияния вплоть до полного истолкования его спектра.

Физика низких температур—наука очень молодая и предвидеть сейчас до каких глубин она дойдет и какие новые достижения она вложит в сокровищницу знания — еще невозможно. Однако, столь блестящее начало всегда предвещает еще более пышный расцвет в будущем.

Проф. *С. В. Серков*

Монголо-Тибетская Экспедиция П. К. Козлова[1]

I.

Автор этих строк не участник экспедиции; он только внимательно просмотрел в оригиналах почти все привезенные П. К Козловым памятники, прослушал ряд докладов всех участников экспедиции, и выяснил все недоуменные вопросы с самим организатором и главным вдохновителем экспедиции — П. К. Козловым. Мы все говорим об этой экспедиции, все газеты полны сенсационных сведений о поразительных открытиях Козлова, а между тем, насколько знаю, до сих пор не появлялось статьи, подводящей серьезный, научно-продуманный итог достижениям Козловской экспедиции. Предлагаемая вниманию статья поможет осмыслить все то, что разновременно было высказано главными участниками экспедиции и что можно извлечь из беглого рассмотрения выставленных в Ленинграде, в Географическом обществе памятников, добытых экспедицией.

II.

До последнего времени далекая Монголия являлась неведомой страной для историков и археологов. Мы можем откровенно сказать, что об этой стране мы ничего не знали. П. К. Козлов, достойный последователь своего знаменитого учителя, путешественника Пржевальского, поехал в Монголию, чтобы оттуда проникнуть в таинственный, недоступный для европейцев Тибет. Из-за разных политических осложнений, в Тибет путь закрыт. Чтобы время не пропадало, Козлов начинает систематическое и тщательное изучение Монголии, собирает коллекции из животного и растительного мира и между прочим, производит археологические раскопки. И вот, перед нашими изумленными взорами в этих козловских раскопках открылся новый, неожиданный мир. Постараюсь в коротком очерке познакомить с достижениями этой экспедиции.

Раскопки были произведены в 120 верстах к северу от столицы Монголии Урги. Была исследована группа небольших, сравнительно низеньких курганов, расположенных в лесистой горной местности, в 8 верстах к востоку от большой дороги Кяхта-Урга (см. фот. № 1). Силами 50 рабочих китайцев с марта по сентябрь 1924 г. было раскопано свыше 10 курганов в долинах рек: Судзукте и Цзурумте, в горах Нойн-ула. В этих курганах были найдены поразительные памятники, время изготовления которых определяется, с одной стороны, обломком китайского зеркала так называемой Ханской династии, с другой стороны, замечательными тканями и коврами, носящими на себе прямые следы греческого влияния! Словом, мы имеем перед собою погребения знати эпохи около начала нашей эры. Особенно богат находками так называемый «VI курган» в группе Судзукте. Погребальный склеп этого кургана находился на глубине 7 саж. Он представляет довольно большое помещение—сруб, прямоугольного плана с бревенчатым потолком. В этом четыреугольном помещении находилось второе, поменьше, как бы склеп в склепе, также с деревянным потолком, в высоту почти достигающим потолка наружного склепа. В этом втором, внутреннем склепе, также прямоугольного плана, стоял деревянный гроб в форме ящика. К сожалению, несмотря на такую поразительную глубину расположения склепа в земле, последний был в глубокой древности уже ограблен.

Самые важные находки в „VI кургане“ это ткани. Пол погребального склепа был покрыт великолепным шелковым ковром, который сохранился удивительно хорошо, благодаря тому, что в Монголии, как мне сказал П. Козлов, почва оттаивает только на незначительную глубину. На большей глубине температура около нуля градусов, земля насыщена

[1] Печатается с разрешения П. К. Козлова.

водой, которая является прекрасным сохраняющим средством. Как бы то ни было, но только сохранность найденных тканей поразительная! Не верится, что перед нами ткани, которым 2100 лет, а кажется, что им 10—15 лет, не больше... На этом ковре основные цвета коричневого тона и плохо поддаются фотографированию. На нем изображены сцены из мира животных близко к сибирскому звериному стилю. Наши центральные музеи обладают большим количеством памятников подобного стиля. На ковре изображена сцена нападения на оленя хищного фантастического зверя со странными крыльями, быть может, рыси, или грифона. Олень же изображен удивительно жизненно, хотя уже чувствуется некоторая манерность в передаче пестроты его шкуры, а также как бы волочащейся задней лапы зверя. Это изображение, исполненное нашивкою вырезанных кусков другой материи, повторяется на привезенном

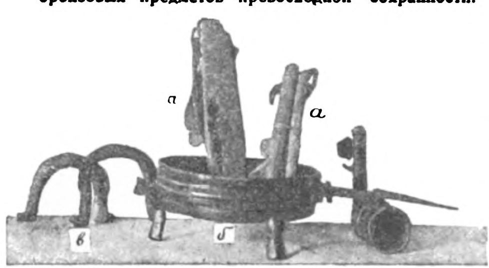
куске дважды. Между этой сценой представлена другая, также нам известная из музейных собраний: схватка между быком, быть может, зубром, с каким-то фантастическим чудовищем, у которого вместо головы мы видим множество шей с ядовитыми змеиными жалами, то же и вместо хвоста. Перед нами довольно типичная вещь, которую мы можем отнести к так называемому сибирскому звериному стилю, который, если глубоко порыться, несомненно, имеет под собой очень древнюю художественно-культурную почву. (См. фотографию № 2). Можно пожалеть только о том, что не удалось взять целиком весь ковер, а пришлось ограничиться только несколькими его кусками. Благодаря громадной глубине залегания погребального склепа, П. К. Козлову пришлось применить наиболее дешевый способ раскопки — итти к центру кургана сверху колодцем.

Другой замечательный памятник из этого же кургана — это тканый ковер (нечто вроде гобелена) с изображениями целой свиты на лошадях Сохранились морды четырех лошадей и фигуры двух всадников. Интересно отметить, что костюмы их довольно близко напоминают костюмы скифов — народа, жившего в России в 5—3 вв. до р. Х. Это, разумеется, не может быть случайным. Не случайным является также чисто греческое украшение из пальметок, которыми как бордюром, заканчивается снизу ковер. Так и напрашивается сказать то же, что мы говорим о произведениях греков, находимых в наших скифских курганах; несомненно, перед нами работа грека, знавшего, что он работает для монголов и знавшего этих монголов. Хотя перед нами и предмет найденный в далекой Монголии, где было бы просто невероятно встретить греческое влияние, и однако, надо признать это влияние за факт. По всей вероятности, данная вещь, как драгоценный предмет, была в свое время подарена могущественным монголам одним из дальне-восточных греческих царьков, которые впоследствии были уничтожены индусами и персами, шедшими с Востока.

Из других погребений следует подчеркнуть так называемый курган № 23, в котором было найдено женское погребение с огромным количеством великолепных шелковых тканей и с большим числом золота, преимущественно, от украшения гроба. Из тканей обращает на себя внимание кусок с нашивным рисунком в виде дракона, повернувшего круто назад свою морду. Поражает мастерство владения рисунком, чистота работы и высота техники! В этой же гробнице было найдено несколько женскик кос, помещенных в особых шелковых чехольчиках, а также некоторая утварь; возле гроба стояло несколько овальных небольших мисочек, сделанных очень искусно из дерева и покрытых лаком, чрезвычайно напоминающим папье-маше, китайской работы. Здесь же были найдены прекрасные янтарные бусы разных размеров. В кур-

гане № 24 нашли резную пластинку из нефрита (прозрачный камень) с изображением до невразумительности вычурных рогатых зверей в нападающей позе. Это манерное искусство, дальше которого трудно итти, дает нам блестящий пример тупика искусства, потерявшего связь с живой жизнью... Декоративный момент поглотил все остальное.

Следует также остановиться, далее, на кургане № 25, в котором был найден кусок круглого зеркала, относимого специалистами к Ханской династии I века до р. Х. (этой же эпохе принадлежат и вышеназванные овальные чашечки). Интересно еще отметить, что в то время, как мужской курган № 6 имел входной коридор вне склепа, шедший сверху, такого дромоса в женских курганах не имелось. В кургане № 25, кроме обломка круглого зеркала, также было найдено очень много бронзовых предметов превосходной сохранности.

Как в Майкопском кургане, раскопанном Н. И. Веселовским (см. Материалы по археологии России № 34) здесь были найдены, повидимому, остатки балдахина, или палатки, который несли над покойником, на пути к его вечному упокоению. Сохранилось 35 бронзовых позолоченных (позолота кое-где еще сохранилась) подсвечников, нижняя сторона которых представляет собою красивую розетку. Каждый из этих подсвечников, снабженных крючками для натягивания брезента, весит 3,5 фунта!

Еще много других предметов было найдено экспедицией Козлова. Следует упомянуть, далее, интересные инструменты примитивного характера для добывания огня посредством трения [1]. Была найдена целая одежда, представлявшая длинную белую рубашку с широким воротом китайского типа; оказалась и шапка, и даже сандалии, превосходно сохранившиеся, как будто недавно сделанные. Только один Египет с его сухим климатом и песчаной почвой пустыни может соперничать с монгольским климатом в сохранении древних памятников от разрушительного действия времени...

Кроме прочего, были найдены изделия из дерева в виде лотков, затем каких-то, довольно непонятных пока что предметов, четыреугольной формы с выпуклыми линиями в виде буквы Y. Следует, далее, остановиться на двух предметах из металла в виде как бы сандалий, при чем один предмет свободно входит в другой своими внутренними дугами. Есть предположение, что это — наручники для защиты от ударов. Но вряд ли можно удовлетвориться подобным об'яснением в виду небольших размеров предмета. Дальнейшее исследование должно показать и многое выяснить...

В остальных курганах, как-то: «Андреевском», «Кондратьевском», «Баллодовском», в курганах №№ 24,29 были открыты довольно интересные ткани, но уже не имеющие того исключительного значения. Припоминаю, наугад, например, кусок ткани с изображением двух скал, на которых сидят птицы, по середине растет дерево, а по бокам этих скал с птицами вытканы причудливо стилизованные деревья; припоминаю также кусок материи с изображением чисто греческого сюжета: на лепестке (?) сидит мальчик, в правой руке его находится нечто в роде копья или стрелы, в левой — щит. Повидимому, перед нами Эрот, бог любви. Украшения этой ткани ведут нас в греческий мир...

Прежде чем подводить итоги, напомню читателям о так называемом «Мокром кургане». Назван он так П. Козловым потому, что при его рытье на глубине 4 сажени, показалась водоносная жила мощностью в одну сажень. Поставленные 4 помпы и 20 человек не смогли откачать воды. Так пришлось и оставить этот курган. В настоящий же момент П. Козлов получил донесение от своего заместителя С. А. Кондратьева, оставшегося в Монголии, что удалось, благодаря морозам, остановить воду и раскопать неприступный курган, в котором, согласно донесению, оказалось нетронутое погребение с поразительными памятниками. Будущее покажет нам эти новые подарки судьбы. Вообще, экспедиция еще не закончила своих работ и на будущий год предположено их продолжение.

III.

Выводы

Подведем итоги: таким образом, в центральной Монголии было частично расследовано могильное поле эпохи первых столетий установления нашей эры. В тех памятниках, о которых я говорил, можно расслоить три основных культурных влияния, во-первых, местное, сибирское, выражающееся в любви к изображению вычурно рисуемых зверей, переходящих в манерный, вычурный орнамент. Наряду с этим местным звериным стилем мы находим и большие следы китайского влияния, выражающегося в многочисленных китайских надписях, которыми покрыты закраины ковров и прочих тканей, а также в мелких произведениях китайской художественной промышленности.

Третье влияние, которое мы совершенно не ожидали здесь встретить, это греческое. Оно красноречиво говорит нам о могучем воздействии на современников греческой культуры...

Откуда оно пришло, прямо ли из черноморских колоний греков, как думает один из участников экспедиции, или из центров восточного эллинизма — вопрос будущих исследований...

Кто же был погребен в этих курганных склепах так глубоко под землей? Все данные китайских летописей говорят нам за то, что мы имеем перед собою могилы местного племени гуннов, быть может предков тех самых гуннов, которые 250—300

[1] См. фот. № 3, обозначено буквой «а».

лет спустя вдруг пришли в движение и явились не последними участниками великого переселения народов, сокрушившего ослабевшую западную Римскую империю. Мы наткнулись, быть может, на гнездо предков тех завоевателей, которые держали в своих руках необ'ятные равнины Азии и угрожали Европе. Тщательное и строго научное исследование уже найденного и дальнейшее продолжение столь удачных раскопок должно нас повести к прояснению мрака над этим интереснейшим, но совершенно темным до сих пор уголком мировой истории, которая называется великой эпохой переселения народов.

П. К. Козлов еще далек от конца своих разысканий, остаются еще нерасследованными целые десятки могильных гнезд в этой части Монголии.

Дальнейшие его работы в раскрытии таинственных недр необ'ятной Азии могут еще дать много интересного материала, так как там одна из древнейших колыбелей человеческой культуры.

IV.

Помимо археологических раскопок, экспедиция Козлова имела своей целью естественно-научное описание Монголии и изучение естественных богатств края.

Исследователь собрал богатейший материал по монгольскому пейзажу, где имеется л е с о-с т е п ь с г о р н ы м п е й з а ж е м и ч и с т а я с т е п ь, затем, огромный материал был собран из области минеральных богатств, особенно, из области монгольских самоцветов. Получается такая картина, что эта страна является первой в мире по количеству здесь находимых драгоценных камней. Фотографии давали нам поразительные примеры кристаллов горного хрусталя, величиною больше человеческого роста. Экспедиция собрала, можно сказать, шутя, превосходные образцы многих сортов топаза, аметиста и проч. камней..

В заключение следует сказать, что экспедиция П. К. Козлова встретила самый радушный прием со стороны монгольского правительства, которое само теперь обратилось в Российскую академию наук с просьбой прислать специалистов для работы над дальнейшим изучением края, которому, несомненно, суждено еще сыграть большую роль... Остается еще раз пожелать экспедиции П. Козлова удачи в его дальнейших продвижениях вперед!

Проф. *К. Гриневич*

О современном искусстве Германии

(К выставке картин немецких художников)

Искусство никогда не было чистой отвлеченной эстетикой, т.-е., вне времени и пространства.

Искусство организует понятия. Оно социально, а потому и действенно. Если бы искусство, как утверждают некоторые эстетики идеалистического толка, сводилось только к чистому пассивному созерцанию красоты, то его общественный смысл и ценность не поддавался бы никакому учету.

Более того, бывают эпохи, когда искусству и художникам ставят прямые задачи, когда от них настоятельно требуют ответа на вопрос: како веруеши? В такие эпохи не может быть компромисса или бездействия со стороны художника, если он не хочет быть отброшенным современностью. Наша эпоха, эпоха великого исторического перелома социально-политических идей. Рушатся старые понятия и представления, пришедшие им на смену, еще пугают своей новизной умы живущие старыми привычками, искусство же, если оно подлинно живое, не поклоняющееся фетишам прошлого, как было отмечено выше — организует новые понятия.

Германское современное искусство несет в себе этот акцент современности, оно созвучно нашей эпохе. В нем не только современная Германия. Оно глубоко симптоматично для всего нашего времени по своим социальным и классовым тенденциям.

Выставка немецкого искусства в Москве и Ленинграде „первая ласточка", знакомящая нас с идеологическими и формальными устремлениями западного искусства.

За последние 3 — 4 года Октябрьской революции мы были более или менее знакомы с художественной литературой Запада и, в частности, в Германии, его же изобразительное искусство, за исключением редких репродукций в журналах, часто дающих не совсем верное представление о подлиннике, мы ничего не знали.

То, что нам показали немецкие художники менее всего принято называть чистым эстетизмом.

Военная и повоенная Германия, ее ноябрьская революция 1918 г. и все вытекающие из них последствия социальных и психологических сдвигов и ситуаций, нашли отражение в немецком искусстве.

Пред нами не искусство бесстрастно и об'ективно фиксирующее действительность. Здесь художник вышел из состояния социального безразличия художественной богемы, холодных академических знаний, потрафлений вкусам публики выставочных салонов.

Он стал определенной, сознательно-социальной величиной, пред которым обнажились социально классовые противоречия его общества.

Экономический и политический кризис Германии за последнее десятилетие с болезненной остротой

вскрыл это противоречие. Империалистическая война и последовавшие за нею разруха и голод вместе с немецким пролетариатом бросила и большую часть немецкой интеллигенции в то отчаянное положение, которое заставило ее взглянуть и увидеть свою настоящую роль призрачной, двусмысленной „внеклассовой" — интеллектуальной „свободы" при капиталистическом строе".

Фашист.

Однако, это сознание у большинства германской интеллигенции было лишь только пассивным. Сравнительно небольшие ее группы активно встали и примкнули к революционному движению. Среди последних — писатели, поэты, художники. Некоторые из них члены немецкой коммунистической партии, за некоторым исключением коммунисты и авторы произведений находящейся у нас выставки немецкого искусства.

Художественное и идеологическое мышление художников, вставших на сторону революции, привело их к переоценке своих прежних художественных верований.

Однако, революционность немецких художников, психологически сформировавшихся до революции, в большинстве случаев выражается почти в такой же форме как у наших „попутчиков" пооктябрьской литературы и искусства.

В этой аналогии пореволюционного русского и немецкого исскусства есть, однако, некоторое „но". Это „но" — в различии характера и процесса русской и немецкой революции, и отсюда характер их искусств, этими революциями обусловленных. Каждая из них еще несет свои местные национальные психологические и культурные предпосылки.

Специфичность работ немецких художников—тематическая и формальная—продолжающаяся борьба классов, классовые противоречия капиталистического общества. Немецкий художник с страстностью и пафосом революционной борьбы, языком судорожно сжатым, броским и лаконичным, как призыв бойца говорит о невозможности какого-либо примирения с врагом.

Схватка труда и капитала, — схватка двух миров с их исключающей друг друга идеологией.

Но говоря о революционном пафосе современного немецкого искусства, точнее передовой части немецкого искусства, как было уже оговорено выше, придется этот пафос несколько взять в кавычки и, конечно, не потому, что могут быть какие-нибудь сомнения в революционной искренности немецких художников! Отнюдь нет!

Слово „попутчики" применимо к немецким художникам постольку, поскольку в их произведениях как в выборе тем, так и в формальном их выражении чувствуются известные психологические предпосылки и миросозерцание довоенной немецкой интеллигенции. Например, в трактовке сексуально-эротических тем, немецкими художниками привносится некий привкус, чуждый здоровому чувству пролетариата и несколько вредящий идеологическому смыслу их произведений.

Это вовсе не значит, конечно, что мы становимся на лицемерно - ханжескую точку зрения мещанской морали и говорим о нравственных и безнравственных темах! О дозволенных и недозволенных сюжетах в искусстве!

В искусстве всякая „скользкая" тема может быть преодолена в целях идеологических, в данном случае, у немецких художников, в целях революционно-агитационных.

Преодоление подобных „скользких" тем в поставленных немецкими художниками целях сделано на половину, что не мешает им, однако, носить характер острой социальной сатиры.

Утонченный и противоестественный разврат буржуазного капиталистического мира, который обнаруживает немецкое искусство, мерзок и вызывает чувство отвращения. От него смердит разлагающимся трупом.

Картины с подобными мотивами особенно остро выявлены у двух художников на немецкой выставке из „Красной группы" у Г. Гросса и Евгения Гофмана. Оба художника очень талантливы. Первый из них, уже с европейским именем, рисовальщик-шаржист, нашедший здесь собственные стилистические приемы. Его натуралистически-упрощенные рисунки на германский капитализм и военщину, на кровавые расправы с рабочими и ужасы войны, вскрывают с поразительной силой классовые противоречия капитализма.

Дегенеративное, порочное и извращенно-половое, больших европейских городов, предстает в рисунках и литографиях Гросса, как страшная жуткая гримаса, действуют как остро отточенный стилет.

По силе и значению в современном немецком искусстве Гросс — немецкий О. Домье, только без сангвинического юмора француза. Если больная извращенная эротика веселящегося пресыщенно-сытого брюха буржуазии и вырождающейся немецкой аристократии бичуется Гроссом средствами сухой жесткой линии с лаконизмом и остротой гротеска, то, почти натуралистическая трактовка подобных же мотивов у Е. Гофмана производят впечатление почти живой реальности больниц и клиник для страдающих половой патологией и эротоманией. Гофман и Гросс — определенно ведут мысль зрителя к тем причинам социального строя Европы вызывающего всю эту грязную и отвратительную накипь.

Почти все произведения немецкой выставки, за небольшим исключением экспонатов — социальный протест, беспощадный, правдивый и ядовитый памфлет, на капиталистический тупик Европы.

Немецкое искусство, как и вся современность — нервно, злободневно, оно громко кричит и бьет, как удар хлыста, оно не боится называть вещи их именами, не замазывая никакими эстетическими иллюзиями действительности.

Никакой политической нейтральности, — таков лозунг, выброшенный немецкими художниками.

И этот лозунг проводится ими с упорной настойчивостью. Наиболее ударная, боевая, „Красная группа" и „Ноябрьская группа" в выборе тем и их трактовки, заостренной и подчеркнутой до своеобразного гротеска (течение в немецком искусстве, получившее название Экспрессионизма — экспрессия), утверждает агитационное искусство в проведении идей классовой борьбы пролетариата.

Империалистическая война и ее инвалиды, голод, проституция, сифилис, фашизм, все явления социального и политического гнета и насилия, благодаря которым физически и морально калечится человек, вскрывается немецким искусством как скальпелем хирурга хорошо знающего где гнездится зараза.

Изобразительное искусство в своем прошлом не раз ставило себе социально-проповеднические задачи, но оно почти всегда носило сентиментально-риторический характер буржуазно-мещанской морали.

Искусство нашей эпохи определенно выбросило лозунги социально-классовой борьбы.

Выставка немецкого искусства в СССР имеет огромное идеологическое и художественное значение. Она сближает Германию и СССР в культурном и революционном отношениях. Советскому зрителю выставка немецких художников в конкретных образах раскрывает революционное движение Запада.

Художнику и архитектору СССР она показывает и новые формально-технические возможности.

Архитектурные проекты немецких зодчих на выставке являются поучительными для советского архитектурного строительства.

П. Ростовцев-Жилин

Дм. Бухарцев. План Дауэса. Изд-во Госплана СССР. 1925 г., стр. 94. Цена 50 к.

Настоящая книжка—первая и пока единственная популярная книжка, дающая простое, ясное, но в то же время вполне серьезное изложение и марксистский анализ „плана Дауэса".

О „плане Дауэса" должен знать каждый сознательный рабочий, каждый сознательный крестьянин, так как в настоящее время „план Дауэса" определяет мировую политику империализма и тем самым политику рабочего класса. Под знаменем „плана Дауэса" капитализм ведет наступление против рабочего класса Германии, Франции, Китая и даже против России. Через „план Дауэса" буржуазный мир пытается за счет рабочего класса выскочить из того тупика, в который загнала его история. Марксистский анализ „плана Дауэса", данный в книжке тов. Бухарцева, показывает, что и здесь они просчитаются.

Изложению самого „плана Дауэса" тов. Бухарцев предпосылает необходимую историческую справку о Версальслим мире, останавливаясь на главном пункте его — репарациях. Самый „план Дауэса" рассматривается в книжке, как результат экономической необходимости для Америки вмешаться в европейские дела: Америке нужно было найти место для помещения накопившихся за время войны громадных капиталов. Банкиры и, главным образом, Пирпонт Морган являются вдохновителями „плана Дауэса".

„План Дауэса" — первая попытка, первый шаг превращения европейского материка в американскую колонию. Началось с Германии. Тов. Бухарцев приводит существующие уже своеобразные „план Дауэса" для Франции, Китая и даже... для Советской России.

В заключение тов. Бухарцев вскрывает заключающиеся в самом „плане Дауэса" противоречия, неразрешимые никоим образом в рамках капиталистического строя: противоречия между империалистами отдельных государств не уничтожены, классовая борьба не только не притупляется, но наоборот, принимает более острую форму.

Издана книжка хорошо, в тексте порядочное количество иллюстраций, но все-таки цену приходится признать несколько высоковатой.

Книжке можно пожелать самого широкого распространения.

А. Д. Попов. Очерк истории Китая. Изд-во „Пролетарий". 1925 г., стр. 56. Цена 25 к.

Борьба между старым и новым Китаем осенью прошлого года пробудила большой интерес массового читателя к Китаю. Жадно читались газетные сообщения о китайских событиях, но запоминались только отдельные имена, отдельные факты, а главный смысл происходящего оставался непонятным.

До сих пор у нас не было массовой популярной книги, где была бы дана история Китая в марксистском освещении. А, ведь, без истории нельзя понять событий сегодняшнего дня. Брошюрка тов. Попова восполняет существовавший пробел. Здесь рабочий читатель найдет интересно изложенную простым, понятным языком, но в то же время научно историю Китая, от зарождения цивилизации, 4.000 лет тому назад, и до последней национально-освободительной борьбы в 1923 году.

Можно пожелать самого широкого распространения настоящей брошюры.

Ал. Холодняк. „Аврора" (боевое и революционное прошлое крейсера „Аврора"). Редакционно-Издательский отдел в/м сил СССР. Ленинград, 1925. Стр. 134. Цена 80 коп.

Вышедший в издании РИО Морведа очерк истории „Авроры" является хорошим вкладом в нашу литературу о флоте вообще, а об участии флота в октябрьской революции в частности. Более чем двадцатилетняя история „Авроры" описана в предлагаемом вниманию читателя очерке. Весь период вплоть до последнего перехода под Андреевским флагом, участие в русско-японской войне 1904—05 гг., в мировой войне 1914 года, условия беспримерно-гнетущей обстановки, в которой находились моряки при царском режиме и, наконец, „Аврора" на аванпосте пролетарской революции — обстреливает последний оплот буржуазного строя — Зимний дворец. В книге собран ряд документов — предписаний комиссару и судовому комитету крейсера от Петроградского Совета о выступлении против контр-революционеров — юнкеров и ударных батальонов, которые и были успешно проведены крейсером.

Книжка очень живо написана и читается с большим интересом.

Вступительная статья старого аврорца П. И. Куркова, предпосланная книге, рисует участие аврорцев в революции по личным воспоминаниям активного ее участника.

Ал.

Джэд. Возникновение и развитие идеи эволюции. Г И. З. 1925 г.

Автор этой книжки профессор Кэмбриджского университета — геолог, близкий друг Дарвина и других деятелей эволюционистов. Воспоминания об этих творцах эволюционного учения, на-ряду с описанием всех перепитий борьбы за эволюционную теорию и составляют содержание очерка. Чрезвычайно ценно то, что автор об'единил изложение этого вопроса в области органического и неорганического мира. Однако, цельного представления о развитии идеи эволюции книга не дает. Джэд упоминает необычное количество второстепенных имен, имеющих лишь узко историческое значение и обращает внимание на мелкие факты, совершенно не выделяя общего хода победоносного шествия эволюционной мысли. Поэтому, книга представляет интерес только для читателя, хорошо осведомленного в этих вопросах.

А. В.

Проф. П. Ю. Шмидт. Прививка жизни. Научно-популярная библиотека, Госиздат., 1924 г., 61 стр.

Брошюра проф. Шмидта, как и большинство его популярных работ, является полезным вкладом в нашу популярную естественно-научную литературу. Написанная живым увлекательным языком, с обычном умением автора компановать материал— она очень легко читается и усваивается. На протяжении 61 стр. автор разбирает три интересных вопроса: прививка и сращивание у животных и растений, жизнь изолированных органов и культура тканей вне организма. Материал подбирается очень умело, так что со стороны фактической брошюрка безукоризненна и безусловно полна. Единственным недостатком нужно признать некоторую нечеткость выводов, соответственно чему дан, хоть и звучный, но не совсем отображающий истинное содержание, заголовок.

Как положительную сторону нельзя не отметить хорошую привычку автора останавливаться не только на выводах, но давать краткое описание техники и методики опытов, благодаря чему сами выводы в глазах читателя приобретают больший вес.

Мы настоятельно рекомендуем брошюру проф. Шмидта учащейся молодежи и всем начинающим заниматься биологией.

В. С.

Я. А. Назаренко. История русской литературы XIX века. Гос. Изд. Москва—Ленинград, 1925 г.

Книга Назаренки представляет собою по существу набор „цитат" (в 2—3 страницы) из различных авторов, большею частью не указанных. Цитаты даже не взяты в кавычки, и в них изменены отдельные слова по произволу „автора" книги. Читая книгу Назаренки, хочется удивленно воскликнуть: „Знакомые все лица". Идут, чередуясь с отрывками из произведений русских писателей, страницы из Пичеты, Арс. Введенского, Львова-Рогачевского, Переверзева, Фатова, Максимова-Евгеньева, М. Н. Покровского и т. д. Заимствования есть и из источников, еще находящихся в процессе печатания и полученных автором, очевидно, частным образом. Неужели это входило в расчеты последнего, или здесь просто недопустимая небрежность и презрение к своему и чужому литературному труду? На это уже указано весьма резко Кубиковым в 18 № „Книгоноши". Однако, большинство цитируемых столь своеобразно авторов, известны каждому хорошему студенту.

Но пошла ли в прок „Истории" Назаренки склонность автора к переписыванию понравившихся мест из хороших книжек? Надо признать, что не очень. Цитаты плохо связаны, собственные вставки Назаренки написаны безграмотно и очень тяжело. Отрывки чужих книг выбраны не плохо, но без согласования и порядка, основные мысли выделены слабо. Книга очень скучна и по чтении оставляет какое-то неопределенное и тусклое впечатление. Непропорционально много места уделено экономической истории. Есть фактические ошибки, но читать книжку было бы можно при абсолютном отсутствии времени для того, чтобы обратиться к десятку способных ее заменить (с излишком и несравненно большей пользой, конечно), хотя бы и популярных работ (Коган, Переверзев, Саводник, Львов-Рогачевский о Горьком, Максимов о Некрасове, М. Н. Покровский и т. д.).

Переиздавать книгу в таком виде, хотя бы и с переименованием цитируемых авторов, не стоит, и видно придется книгу переделать в хрестоматию. В книге есть все же полезный материал для чтения: биографические, библиографические сведения о русских классиках, поставленные рядом с фактами (не всегда верно освещенными) их эпохи и с комментариями из хороших книг критиков и историков. Это-то, вероятно, и побудило Г. У. С. „допустить" книгу, как пособие для школ взрослых. Что-же, при хорошем руководстве со стороны преподавателя может быть книжка и будет прочтена учащимися не без пользы, хотя и со скукой, но хороших преподавателей у нас очень мало.

Г. Г.

В. Евгеньев-Максимов. Очерк истории новейшей русской литературы. Гос. Изд., 1925 г.

„Очерк" Максимова — компиляция честная и хорошая. Она сделана, во-первых, по всем правилам литературной этики, т.-е. с указанием везде источников заимствования, во-вторых, заимствования очень хорошо увязаны. Автор владеет языком и мыслью и потому не только цитирует, но и сам излагает свои и чужие мысли. В общем, получается ясная картина литературного развития. Язык автора прост, легок, вполне доступен для малоразвитого читателя. Откровений в книге нет, но автор, специальные интересы которого лежат в плоскости истории журналистики и, главным образом, в изучении Некрасова, на оригинальность не претендовал. Марксизм автора не очень глубок (автор — старый литератор, историк литературы и народник, недавно переменивший свои взгляды на марксистские), но марксистские мысли других, Максимов ясно понимает и умеет использовать и изложить. Вопросы истории, формы литературных произведений изложены в „очерке" поверхностно, но для первоначального изучения идеологической эволюции русской литературы с 80-х г.г. до войны и революции, книга полезна. В ней даны систематизированные факты жизни и творчества писателей, содержание их главных произведений, правильная, в общем, их оценка с идейной стороны.

Для рабфаковцев эта книга — хороший учебник. Для самообразования тоже пригодна, и даже для студентов ВУЗ'ов, за отсутствием идеологически-приемлемых учебников по данному периоду русской литературы, книга Максимова-Евгеньева будет полезна, как предварительное введение в курс и некоторый элементарный справочник. Ведь еще в прошлом году у нас в ВУЗ'ах новейшую литературу сдавали (а может быть и теперь сдают) по пресловутому „словоблудию" Львова-Рогачевского. Слабее всего в „Очерке" Максимова отдел пореволюционной литературы и особенно прозы. По этому отделу мы еще не имеем учебника или исчерпывающей книги для чтения, да и трудно было бы их ожидать, пока вполне законченных процессов литературного творчества за этот период почти еще нет.

Г. Г.

Мих. Герасимов. Покос, стихи, 104 стр. Издательство Мосполиграф, 1924 г. Цена 1 р. 25 к.

Михаил Герасимов из тех, кто не принял нэпа, кто не понял его необходимости и закономерности и поэтому остался вне современной жизни, вне кропотливой и упорной работы сегодняшнего дня, вне будней революции, будней, которые он воспринял как конец революции. Герасимов перестал кричать „громовым голосом гудка" и быть „жестким" как в Октябрьские дни. Чайку с крыльями, поломанными о провода (символ нашей жизни) спрашивает он в тоске —

Зачем прилетела вольная
С моря на базар?

Жизнь не пошла по путям, „пророчески" предуказанным ей Герасимовым, и поэтому у него

Хрустнула под грузом
Мечта голубая.

Поэт—идеалист разочарован окончательно. Если жизнь с виду так обыкновенна, если мечта хрустнула, если — лихачи и витрины, значит — все как было, ничего не изменилось —

Теперь уж сказкой мир не бродит
На очарованном лугу;
Руслан согбенный на заводе
Таскает уголь и чугун...

поэтому отчаянием наливаются его стихи.

Современность тяжелыми кошмарами обступила поэта.

Ничего,
Ничего не надо...
В сердце грязь и следы.
Была, исчезла радость,
Как ливень и радужный дым.

Герасимов не любит действительность за то, что она разбила его „голубые мечты".

Поэтому он не любит и город, творящий эту действительность.

О, город, ты смертельно ранил
Мою мечту, мою любовь.

восклицает он. И бежит, хотя бы в тех же самых мечтах, из этого города. Куда?

Я с детства любил стремиться
В космические просторы.

Глубоко упаднической идеологии Герасимова вполне соответствует его беспомощность в оформлении материала. Достаточно указать хотя бы на его „эпитеты" (например, — „тоска безумная", „шопот страстный", „страсть, разумеется, „пьяная", „простор — безбрежный", „взор", конечно, „манящий", „небо — бездонное" и т. д.).

Герасимов не пролетарский поэт. Пролетариат сегодня требует от литературы не „космических взлетов", а показа конкретных вещей и живых людей.

Нельзя в заключение не привести несколько строк из статьи Троцкого „Внеоктябрская литература".

„Художник, для которого революция теряет свой аромат, не снеся ароматов Сухаревки, есть пустышка и дрянцо. Поэтом революции... он станет тогда, когда научится охватывать ее поражения как ступени к победе... и в напряженной подготовке сил в периоды отлива стихии сумеет найти неумирающий пафос революции, ее поэзию".

Ответственный редактор: **Мих. Коваленко.**
Адрес редакции: Ленинград, проспект 25 Октября, № 1.

Ленинградский Гублит № 11521. Тип. издат. „Прибой" им. Евг. Соколовой, пр. Красн. Командиров, 29. Тираж 25.000—4 л. Зак. 1000.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77